

ISSN 0202-151X

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

1984

5

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

1984

5

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

акад. АН УзССР Э. Ю. ЮСУПОВ (*главный редактор*), акад. АН УзССР С. К. ЗИЯДУЛЛАЕВ, акад. АН УзССР И. И. ИСКАНДЕРОВ, акад. АН УзССР С. К. КАМАЛОВ, акад. АН УзССР К. И. ЛАПКИН, акад. АН УзССР М. К. НУРМУХАМЕДОВ (*зам. главного редактора*), акад. АН УзССР М. Ю. ЮЛДАШЕВ, член-корр. АН УзССР Г. А. ЛБДУРАХМАНОВ, член-корр. АН УзССР Р. Х. АМИНОВА, член-корр. АН УзССР М. А. АХУНОВА, член-корр. АН УзССР М. Б. БАРАТОВ, член-корр. АН УзССР П. Г. БУЛГАКОВ, член-корр. АН УзССР В. В. КИМ, член-корр. АН УзССР М. К. КОШЧАНОВ, член-корр. АН УзССР Г. А. ПУГАЧЕНКОВА, член-корр. АН УзССР С. П. ТУРСУНМУХАМЕДОВ, член-корр. АН УзССР Х. Т. ТУРСУНОВ, член-корр. АН УзССР Ш. З. УРАЗАЕВ, член-корр. АН УзССР М. М. ХАЙРУЛЛАЕВ, доктор ист. наук А. А. АСКАРОВ, доктор филол. наук А. П. КАЮМОВ, доктор ист. наук Б. В. ЛУНИН (*зам. главного редактора*), доктор ист. наук А. Р. МУХАМЕДЖАНОВ, доктор филос. наук Ж. Т. ТУЛЕНОВ (*зам. главного редактора*), доктор филос. наук К. Х. ХАНАЗАРОВ, доктор экон. наук А. Х. ХИКМАТОВ, Б. И. КНОПОВ (*отв. секретарь*).

*Адрес редакции: г. Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Телефон: 33-47-12, 39-04-83.*

Редактор *И. А. Маркман*
Технический редактор *Г. Ю. Чургина*

Сдано в набор 16.05.84. Подписано к печати 7.06.84. P01111. Формат 70×108^{1/16}. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 4,90. Уч.-изд. л. 5,6. Тираж 1122. Заказ 111. Цена 65 к.

Издательство «Фан» УзССР, Ташкент, 700047, ул. Гоголя, 70.
Типография Издательства «Фан» УзССР, Ташкент, проспект М. Горького, 79.

К 60-летию УзССР и Компартии Узбекистана

Ш. З. УРАЗАЕВ

**УЗБЕКСКОЙ СОВЕТСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ — 60 ЛЕТ**

Трудящиеся Узбекистана идут навстречу славной дате — 60-летию своей республики и Компартии Узбекистана. Это событие отмечают все народы, все братские республики, спаянные единой монолитной семьей в великом Союзе Советских Социалистических Республик.

Как известно, до 1924 г. узбекский народ не имел своей единой национальной государственности. До Великого Октября территория Узбекистана была разобщена между различными феодальными государственными образованиями, ставшими во второй половине XIX в. колониями царской России. Поворотным пунктом в истории узбекского народа, как и всех народов нашей страны, явилась Великая Октябрьская социалистическая революция — главное событие XX века. Она была проведена под знаменем мира, социальной и национальной свободы. Принятое в первый же день победы Великого Октября обращение II Всероссийского съезда Советов «Рабочим, солдатам и крестьянам» провозгласило, что Советская власть «обеспечит всем нациям, населяющим Россию, подлинное право на самоопределение».

Установление Советской власти в Ташкенте, Самарканде, других городах и населенных пунктах Туркестана открыло путь к самоопределению народов Средней Азии. Трудящиеся Туркестана, получив социальную и национальную свободу из рук Советской власти, твердо встали на путь союза и дружбы с Родиной Великого Октября — социалистической Россией, и в мае 1918 г. V краевой съезд Советов объявил Туркестан автономной советской республикой, входящей в состав РСФСР.

Туркестанская АССР занимала огромную территорию от отрогов Тянь-Шаня до Каспийского моря и от границ Афганистана до Аральского моря. Ее населяли узбеки, казахи, таджики, туркмены, каракалпаки и др. В то время кардинально решить вопрос о самоопределении каждого из народов Средней Азии было трудно в силу целого ряда причин. Надо было отстоять завоевания Великого Октября от бесчисленных врагов Советской власти, наладить управление народным хозяйством и начать его возрождение, подготовить национальные кадры из числа местных трудящихся, подготовиться к размежеванию. К тому же до 1920 г. продолжали еще существовать Бухарский эмират и Хивинское ханство.

Туркестанская АССР явилась этапом на пути к размежеванию. Идея размежевания лежала в основе всех лозунгов Коммунистической партии по национальному вопросу. Партия твердо и последовательно выступала за право народов на самостоятельное определение своей судьбы, на создание своего национального государства. В. И. Ленин еще в 1920 г. писал: «1) Поручить составить карту (этнографическую и проч.) Туркестана с подразделением на Узбекию, Киргизию и Туркмению. 2) Детальнее выяснить условия слияния или разделения этих 3 частей»¹. При этом, учитывая, что вопрос о размежевании Тур-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 436.

кестана мог быть решен только самими народами, в соответствии с их волеизъявлением, В. И. Ленин подчеркивал: «...Деления республики на 3 части не предпринимать»².

До 1924 г. на территории Средней Азии, кроме Туркестанской АССР, существовали Бухарская и Хорезмская Народные Советские Республики, возникшие в 1920 г. в результате свержения власти бухарского эмира и хивинского хана. После установления Советской власти в Туркестане трудовые массы Хивы и Бухары активизировали борьбу против ненавистных тиранов. Все глубже проникали в толщу народных масс революционные идеи. Борьбу угнетенных и обездоленных масс возглавили коммунисты Хивы и Бухары. Руку братской помощи восставшим протянули трудящиеся Туркестана, Российской Федерации.

В феврале 1920 г. в Хиве победила народная революция и была провозглашена Хорезмская Советская Народная Республика. В августе-сентябре 1920 г. была свергнута власть бухарского эмира и образовалась Бухарская Советская Народная Республика. Эти республики также были многонациональными. Бухарскую НСР преимущественно населяли узбеки, таджики, туркмены, а Хорезмскую — узбеки, туркмены, каракалпаки. Из общего числа узбеков, населявших Среднюю Азию, 66,5% жили в Туркестанской республике, 22,2% — в Бухарской и 11,3% — в Хорезмской республике. Надо было создать советскую национальную государственность каждого из народов Средней Азии в исторически сложившихся границах их расселения, причем национальный признак не был и не мог быть единственным критерием размежевания.

Партия провела размежевание под знаменем социалистического интернационализма, дружбы и братства народов. Представитель любой национальности, в составе какой бы республики он ни проживал, должен был чувствовать себя как в своем национальном доме. Возникшие на базе размежевания советские национальные республики получили дальнейшее свое развитие как многонациональные республики, в составе которых единой семьей живут представители многих народов и наций. В этом проявились сила и мудрость ленинской национальной политики партии. Размежевание означало не разъединение, а еще более тесное сплочение народов вокруг Коммунистической партии и Советской власти.

Идея размежевания вытекала из программы Коммунистической партии по национальному вопросу, из сути ленинской национальной политики. Непосредственными инициаторами размежевания явились сами среднеазиатские республики. Подготовка и проведение национально-территориального размежевания шли под руководством коммунистических партийных организаций. Еще в начале 1924 г. этот вопрос был поднят в Бухаре. В постановлении Средазбюро ЦК РКП(б) от 15 апреля 1924 г. говорилось: «Постановку вопроса ЦК БКП о национально-территориальном размежевании среднеазиатских республик одобрить». Партийно-советские органы Туркестанской, Бухарской и Хорезмской республик организовали широкое обсуждение вопросов, связанных с размежеванием. Народные массы горячо поддержали и единодушно одобрили идею национально-государственного размежевания. Классовые враги пытались разжечь националистические страсти, национальную вражду. Они выпячивали на передний план вопросы о границах республики, извращали сущность национальной политики партии. Однако Коммунистическая партия дала решительный отпор коварным замыслам классовых врагов. В процессе обсуждения вопроса о размежевании в партийно-советских кругах, коллективах трудящихся выработывалась единая точка зрения по основным вопросам размежевания, одобренная затем ЦК РКП(б).

² Там же, с. 153.

В сентябре 1924 г. внеочередная сессия ЦИК Советов Туркестанской АССР, V Всебухарский курултай Советов и V Всехорезмский курултай Советов приняли постановления о национально-государственном размежевании и образовании Узбекской ССР и других национальных республик и областей в Средней Азии. Постановление Туркестанского ЦИК было одобрено 14 октября Всероссийским ЦИК Советов. 27 октября 1924 г. вторая сессия Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР второго созыва, заслушав доклады о постановлениях Всебухарского курултая Бухарской ССР, Центрального Исполнительного Комитета Хорезмской ССР, Центрального Исполнительного Комитета Туркестанской АССР и Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета о размежевании этих республик по принципу самоопределения народов, приняла постановление об образовании на базе указанных республик Узбекской ССР с автономной Таджикской ССР, Туркменской ССР, Киргизской автономной области в составе РСФСР и о присоединении казахской части Туркестана к Казахской АССР в составе РСФСР. ЦИК СССР отметил, что свободное волеизъявление трудового народа является для него высшим законом.

Этим юридическим актом было положено начало развитию советской национальной государственности народов Средней Азии. Узбекский народ, как и другие народы Советской Средней Азии, впервые в своей истории был воссоединен в составе единого национального Советского государства, были заложены основы для стабильного и динамичного развития Узбекской ССР в единой и могучей семье советских народов.

Тогда же на базе коммунистических партийных организаций Туркестана, Бухары и Хорезма было оформлено создание Коммунистической партии Узбекистана — боевого отряда КПСС.

Образование Узбекской ССР и других советских республик в Средней Азии явилось подлинным триумфом ленинской национальной политики КПСС. Сбылась мечта народов Средней Азии иметь по примеру других наций и народов страны свои национальные советские республики.

Враги Советской власти пытались представить размежевание республик Средней Азии как «большевистскую уловку», «хитрость коммунистов», рассчитанную якобы на то, чтобы расчленить некую единую «тюркскую» нацию, разобщить ее и тем самым «держать в повиновении». Они отвергали факт самостоятельного исторического развития каждого из народов Средней Азии, их самобытную культуру. Эта антисоветская пропаганда была рассчитана на то, чтобы дискредитировать ленинскую национальную политику Коммунистической партии, последовательно проводящей линию на уважение и защиту прав народов, на их самоопределение. Партия убедительно разоблачила лживость и беспочвенность, клеветнический характер этих враждебных инсинуаций, не имевших никакой поддержки в народных массах. Критикуя планы создания так называемой «тюркской» республики, член Турккомиссии ЦК РКП(б), ВЦИК и СНК РСФСР Я. Э. Рудзутак указывал, что «...никакого единого тюркского народа не существует. Есть туркмены, казахи, киргизы, узбеки». Председатель Президиума ЦИК СССР М. И. Калинин указывал, что «мы ничего не навязываем сверху. То же самое и с национально-государственным размежеванием. Народы Средней Азии, их органы Советской власти и партийные организации изъявили волю к размежеванию, к созданию самостоятельных национальных республик. Мы согласились с этой волей и на сессии ЦИКа дали ей силу государственного закона»³.

Образование Узбекской ССР, ее вхождение в состав СССР явились событиями огромного исторического значения, отвечавшими кров-

³ М. И. Калинин в Узбекистане. Сб. документов. Ташкент, 1961, с. 19.

ным интересам народных масс, их стремлению иметь свою национальную советскую государственность, свои органы власти и управления, строить свободное социалистическое общество в братской семье советских народов.

Размежевание Средней Азии, образование Узбекской ССР и других советских республик привели к дальнейшему упрочению советского строя, укреплению Союза ССР — оплота социализма, дружбы и братства советских народов.

В единой семье советских республик, с их братской помощью Узбекская ССР в исторически короткий срок преодолела унаследованную от феодально-колониального прошлого фактическую отсталость и, минуя капиталистическую стадию, пришла к победе социализма.

В Советском Узбекистане, как и по всей стране, была успешно осуществлена социалистическая индустриализация. На его обширной территории, где до Великого Октября почти не было фабрично-заводской промышленности и господствовали докапиталистические отношения, созданы развитая энергетическая база, машиностроение, химическая, угольная, нефтяная, цветная, строительная, легкая, пищевая и другие отрасли промышленности.

Почти вся промышленная продукция Узбекистана до 1917 г. состояла из первичной переработки хлопка-сырца, продукции пищевкусовой и маслостроительной промышленности. В крае, где сеяли и выращивали хлопок, не было ни одной текстильной фабрики. Ныне на долю промышленности приходится свыше половины всего валового общественного продукта УзССР. О темпах промышленного развития Узбекистана говорит тот факт, что сейчас промышленность республики за год выпускает продукции больше, чем за всю пятую пятилетку. Только за годы десятой пятилетки в Узбекистане освоено серийный выпуск около 8 тыс. различных видов новых машин и механизмов, аппаратов и приборов, бытовых и продовольственных товаров. За последнее десятилетие мощность электростанций республики увеличилась вдвое.

Невиданный скачок в индустриальном развитии республики оказался возможным благодаря огромной помощи Российской Федерации, всех братских республик. Создание и развитие новых гигантов промышленности происходило благодаря разносторонней и постоянной помощи Союзного правительства, благодаря безвозмездной передаче из промышленных центров фабрик и заводов, проката, машин и оборудования. Из промышленных центров страны в Узбекистан направлялись ученые, опытные специалисты, инженеры. В Москве, Ленинграде и других городах Центра страны проходили подготовку квалифицированные национальные кадры. Только в годы первой пятилетки на развитие промышленности Узбекистана Советским государством было направлено 33 млн. руб. В 1928—1941 гг. в республике было введено в строй более 500 крупных промышленных предприятий.

Ныне число крупных современных промышленных предприятий в Узбекистане превысило 1660. Среди них — Ташкентское авиационное производственное объединение, заводы «Ташсельмаш», текстильный комбинат в Ташкенте, горнометаллургический комбинат в Алмалыке, завод химического машиностроения в Чирчике, химический комбинат в Навои и многие другие.

Объем промышленного производства в Узбекистане за 60 лет существования республики увеличился в 176 раз. Предприятия УзССР ныне выпускают промышленных изделий за два дня больше, чем за весь 1924 год — год образования Узбекской ССР. Такое возможно только в стране социализма, где торжествуют ленинские идеи дружбы и братства советских народов. Это — результат победы идей социалистического интернационализма, это плод мудрой ленинской национальной политики КПСС.

Узбекская ССР — край «белого золота», на долю которого приходится две трети общесоюзного производства хлопка. В год образо-

вания Узбекской ССР республика произвела немногим более 200 тыс. т хлопка при урожайности в среднем 8 ц/га, а с 1980 г. республика ежегодно дает Родине по 6 млн. т «белого золота» при средней урожайности 32 ц/га. Выдающиеся успехи Узбекской ССР в развитии советского хлопководства — это и результат умелого использования возросших материально-технических возможностей, и плоды самоотверженного труда колхозников, работников совхозов, всех трудящихся, и итог большой политической и организаторской работы партийной организации республики, советских органов, профсоюзов, комсомола, ученых, специалистов, и следствие постоянного внимания, заботы и помощи ЦК КПСС, Советского правительства, братской солидарности и взаимопомощи всех народов нашей многонациональной Родины.

Успешно развиваются в УзССР зерноводство, виноградарство, бахчеводство и другие отрасли сельского хозяйства.

За годы Советской власти в Узбекистане, как и по всей стране, осуществлена глубокая культурная революция.

Узбекский народ, давший миру многих выдающихся мыслителей, ученых, до Великого Октября был лишен доступа к духовным ценностям, пребывал в неграмотности и темноте. Социалистическая революция раскрепостила творческие силы народа, открыла ему широкую дорогу к знаниям и прогрессу. В тяжелые годы гражданской войны и иностранной интервенции В. И. Ленин подписал Декрет СНК об учреждении в Ташкенте Государственного университета — первенца высшего образования в Средней Азии. Сквозь огонь фронтов прошел в Ташкент эшелон с учеными, лабораторным оборудованием и литературой. Закладывался прочный фундамент для развития отечественной науки и высшего образования. В Ташкентский государственный университет потянулись дети рабочих и крестьян, началась борьба с неграмотностью, за подъем образования, науки, культуры. Прошло всего четверть века и снова в разгар войны, когда решалась судьба первого в мире социалистического государства, с великой верой в будущее принимается постановление о создании Академии наук республики — научного центра Узбекской ССР. К этому времени была ликвидирована неграмотность масс, появились десятки вузов, победила культурная революция, выросла большая армия квалифицированных национальных кадров — ученых, врачей, учителей, инженеров, строителей.

В Узбекистане ныне трудится более 36 тыс. научных работников, в том числе свыше 900 докторов и около 13 тыс. кандидатов наук. В 43 вузах и 222 техникумах обучается свыше полумиллиона человек. В республике выходят 281 газета и 83 издания журнального типа общим тиражом более 10 млн. экз. Десять издательств выпускают ежегодно свыше 35 млн. экз. книг. Выросла большая армия литераторов, деятелей искусства, которые духовно обогащают жизнь и труд советского человека — строителя новой жизни.

Из года в год крепнет, обретает новые грани национальная советская государственность узбекского и других народов СССР, основы которой закреплены в Конституциях СССР, союзных и автономных республик и надежно гарантированы нашим социалистическим государственным и общественным строем, всей мощью Союза ССР.

Стремительный взлет Узбекистана, как и всех советских республик, от былой отсталости к вершинам современного прогресса — это плоды труда раскрепощенного народа, это результат усилий народной Советской власти, это воплощение в жизнь мудрой политики Коммунистической партии, прямое следствие дружбы, братства, солидарности и взаимопомощи советских народов. Союз ССР удесяттеряет силы каждой советской республики.

Нет республики, которая не пользовалась бы плодами труда Узбекской ССР, и нет республики, которая не направляла бы в Узбеки-

стан плоды своего труда. В едином строю, в тесном единстве советские республики строят коммунистическое общество.

Когда фашистская Германия напала на Советскую страну, у стен Москвы и Ленинграда, Смоленска и Сталинграда, на Курской дуге и в Крыму, на Украине и в Белоруссии, в Прибалтике и Молдавии вместе со всеми народами страны сражались воины Узбекистана. А когда стихийное бедствие в апреле 1966 г. разрушило столицу Узбекистана, на восстановление Ташкента прибыли рабочие и специалисты с составами с различной техникой и строительными материалами из Москвы, Ленинграда и всех союзных республик.

Ежегодно тысячи молодых людей из Узбекистана едут учиться в крупные вузовские центры страны и тысячи юношей и девушек из других республик прибывают в вузы Узбекистана. Неиссякаем родник дружбы и безграничны ее плоды.

Вот почему народы Советского Союза дорожат великой своей дружбой, берегут ее, как зеницу ока, единодушно поддерживают ленинскую национальную политику КПСС — политику социалистического интернационализма, равенства, братства, сотрудничества и взаимопомощи всех социалистических наций и народностей, составляющих единый многонациональный советский народ.

А. Ю. ИБРАГИМОВА

РАЗВИТИЕ ХЛОПКОВОДСТВА В УЗБЕКИСТАНЕ НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В грозные годы Великой Отечественной войны достойный вклад в общее дело Победы внесли труженики сельского хозяйства страны, в том числе Узбекистана, обеспечивавшие своими героическими усилиями бесперебойное обеспечение армии и населения страны продовольствием, а промышленность — сырьем.

Для труженников сельского хозяйства УзССР особенно важной задачей было производство такого ценнейшего технического сырья, как хлопок.

В начальный период войны в хлопководстве республики сложилось весьма напряженное положение в силу нехватки техники, удобрений, рабочих рук и т. д. В результате сократились посевные площади, урожайность и валовой сбор «белого золота».

Между тем потребности в хлопке все более возрастали, и партия поставила перед коммунистами, всеми трудящимися Узбекистана задачу — в кратчайшие сроки вывести хлопководство из прорыва. Решающие успехи в этом деле были достигнуты уже в 1944 г.

В начале января 1944 г. лучшие мастера хлопководства собрались в Ташкенте на Первый республиканский курултай (съезд) колхозников-хлопкоробов, чтобы обсудить состояние хлопководства в республике, причины его отставания и пути их преодоления. Подведя итоги 1943 г. и определив задачи на 1944 г., участники курултая обратились в ЦК ВКП(б) со специальным посланием, в котором говорилось: «... От лица всего узбекского народа мы даем слово поднять хлопководство, собрать в 1944 г. с каждого гектара урожай хлопка не менее 12 центнеров по колхозам и не менее 13 центнеров по совхозам.

... Это письмо является всенародной клятвой. Мы принесли ее стоя. Эта клятва будет выполнена несмотря ни на что»¹. Важнейшие задачи подъема хлопководства в республике были четко определены в решениях IX (январь 1944 г.) пленума ЦК КП(б)Уз.

Боевой программой действий партийной организации республики стало постановление ЦК ВКП(б) «О мерах восстановления и развития хлопководства в Узбекистане»², принятое 6 марта 1944 г. по отчетному докладу ЦК КП(б)Уз. ЦК ВКП(б), дав глубокий анализ состояния хлопководства республики, причин резкого снижения валового сбора хлопка-сырца, ошибок, допущенных в руководстве сельским хозяйством, определил комплекс мероприятий, направленных на коренное улучшение создавшегося положения. ЦК ВКП(б) выдвинул задачу — восстановить довоенный уровень хлопководства и создать необходимые предпосылки для дальнейшего подъема этой важнейшей отрасли сельского хозяйства республики.

Собравшийся в апреле 1944 г. X пленум ЦК КП(б)Уз, обсудив постановление ЦК ВКП(б) от 6 марта 1944 г., наметил конкретные мероприятия по практическому претворению его в жизнь. Пленум обязал

¹ Правда Востока, 1944 г., 4 января.

² История Узбекской ССР. Т. IV. Ташкент, 1968, с. 102.

Бюро ЦК КП(б)Уз решительно покончить с практикой отвлечения материально-технических средств и кадров колхозов на другие участки в ущерб хлопководству, настойчиво изыскивать внутренние резервы повышения урожайности хлопчатника³.

Пленум призвал развернуть всенародный поход за восстановление довоенного уровня хлопководства.

Руководствуясь указаниями ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б)Уз, партийные организации республики прежде всего приняли меры к расширению посевов хлопчатника, особенно путем восстановления выпавших из сельскохозяйственного оборота поливных земель.

На местах развернулась большая работа по возвращению в сельскохозяйственный оборот около 200 тыс. га поливных земель, в первую очередь за счет решительного улучшения мелиоративного состояния земель Голодной степи, Центральной Ферганы, Андижанской и Ферганской областей, т. е. тех районов, где больше всего выпало из сельскохозяйственного оборота поливных земель.

Весной 1944 г. только на очистке заурной сети было выполнено работ в объеме 450 тыс. м³ — на 42% больше, чем в 1943 г.⁴

В числе мероприятий по подъему хлопководства и других отраслей сельского хозяйства особое значение имели восстановление машинно-тракторного парка и улучшение работы МТС. Было намечено восстановить уровень механизации сельскохозяйственных работ в 1944 г. до имевшегося в 1941 г. и резко улучшить обработку посевов хлопчатника⁵.

Промышленность тогда еще не могла поставить для сельского хозяйства новую технику, поэтому в период подготовки и проведения сева решающую роль играло максимальное использование старой техники путем ее ремонта и реставрации. Коллективы промышленных предприятий республики изготавливали запасные части и оказывали техническую помощь МТС в подготовке к весеннему севу.

В 1944 г. производство запасных частей на промышленных предприятиях республики резко возросло: их было изготовлено почти на 5 млн. руб., что в пять раз больше, чем в 1943 г.⁶ Это обеспечило и ускорило ремонт тракторов и другой техники. Еще больший размах приобрело шефство промышленных предприятий над МТС, колхозами, совхозами, дальнейшее развитие получила производственная смычка рабочего класса и колхозного крестьянства.

Борьба за высокое качество работы МТС и материальная помощь, оказанная им (особенно запасными частями и горючим), дали свои результаты. Несмотря на резкое сокращение парка тракторов, значительная часть которых пришла в негодность или была отправлена в районы, освобожденные от немецкой оккупации, в республике удалось добиться серьезного увеличения объема тракторных работ. Особое внимание парторганизаций было уделено повышению производительности тракторного парка за счет упорядочения работы тракторных бригад, укрепления МТС кадрами и оказания им помощи со стороны промышленных организаций. В результате выработка на условный 15-сильный трактор в 1944 г. возросла до 279 приведенных гектаров против 235 в 1943 г.⁷ В 1944 г. в УзССР было выполнено тракторных работ на 504 тыс. га больше, чем в 1943 г.⁸

Парторганизации МТС держали под неослабным контролем весь ход весенних, летних и осенних тракторных работ. Тракторные бригады вели между собой соревнование за перевыполнение заданий. Самоотверженный труд механизаторов во многом преопределил подъем

³ Там же.

⁴ ПА УзФИМЛ, ф. 58, оп. 20, д. 797, л. 1—2.

⁵ Там же, д. 5, л. 60—62.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же, д. 124, л. 11.

хлопководства в 1944 г. На производительном использовании тракторного парка положительно сказался рост поставок горючего, объем которых в 1944—1945 гг. был уже немногим меньше довоенного.

Важную роль в борьбе за подъем хлопководства сыграло обеспечение хлопковых полей удобрениями. В 1944 г. усилиями колхозников было заготовлено и внесено свыше 12 млн. т местных удобрений — в 1,5 раза больше, чем в 1943 г.⁹

Партийная организация республики осуществила ряд действенных мер по организационно-хозяйственному укреплению хлопковых колхозов и совхозов, восстановлению и укреплению бригад и звеньев, направлению в колхозы, совхозы и МТС высококвалифицированных кадров и др. На основе восстановления звеньевых принципа организации труда в хлопковых колхозах по опыту довоенных лет было организовано движение высокоурожайных звеньев и бригад — «стоцентнеровиков».

Следует подчеркнуть, что сельское хозяйство Узбекистана по своей структуре — весьма сложная и развитая отрасль. В 1944 г. она насчитывала 6580 колхозов (из них 5293 хлопковых), 191 МТС (среди них 169 хлопковых), 15 МТМ, 30 совхозов (в том числе 17 хлопковых) и т. д.¹⁰ В колхозах имелось 37 050 бригад, объединявших 113 190 звеньев. По сравнению с 1943 г. количество хлопковых колхозов возросло на 177, бригад — на 5953, звеньев — на 10 036¹¹. Для успешного руководства этой сложной системой нужен был большой отряд опытных, энергичных руководителей — организаторов, специалистов, квалифицированных работников массовых профессий.

Партийная организация республики уделила особое внимание вопросу о кадрах сельского хозяйства, насыщении колхозов, совхозов, МТС, земельно-водных органов проверенными, высококвалифицированными руководящими работниками, специалистами.

Большое место в работе с кадрами занимали вопросы подготовки и переподготовки колхозных и механизаторских кадров. Курултай хлопкоробов положил начало патриотическому движению за возвращение в колхозы, бригады и звенья знатоков хлопка — опытников и специалистов по выращиванию высоких урожаев. Это движение возглавили знатные стахановцы хлопковых полей — Ибрагим Рахматов, Тишабай Мирзаев и др.

Только в 1944 г. в колхозы вернулись 666 специалистов, 1052 механизатора, 4670 хлопкоробов-опытников, а всего возвращено в сельское хозяйство 6348 человек. Кроме того, на руководящую работу в колхозы было послано 1700 коммунистов и 2000 комсомольцев¹².

Была проделана также большая работа по повышению уровня агротехнических знаний широкой массы колхозников и рабочих совхозов.

В борьбе за подъем хлопководства первостепенное значение придавалось улучшению партийного руководства колхозами и совхозами. ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б) Уз уделили особое внимание укреплению первичных парторганизаций, усилению их роли в борьбе за хлопок.

Тысячи бригад и звеньев, включившись во всенародный поход за подъем хлопководства, развернули социалистическое соревнование за выполнение взятых обязательств.

Все формы и средства массово-политической работы были подчинены единой задаче — повысить трудовую активность масс на базе широкого развертывания социалистического соревнования, ставшего одним из мощных факторов борьбы за подъем хлопководства.

Несмотря на все трудности военного времени, была проделана большая работа по восстановлению и укреплению водного хозяйства республики, прежде всего на основе ремонта ирригационных сооружений, очистки оросительно-мелноративной сети, особенно внутривозраст-

⁹ Там же, д. 16, л. 3.

¹⁰ Там же, д. 797, л. 25.

¹¹ Там же.

¹² Там же, л. 25—27.

ной, а также по наведению порядка в практике водопользования в целях обеспечения экономного расхода воды и борьбы с засолением почв. В результате было приостановлено сокращение посевных площадей. Под посевы хлопчатника выделены лучшие земли. В 1944 г. хлопковыми посевами было занято 719,6 тыс. га — на 24,2 тыс. га больше, чем в 1943 г.¹³ Улучшилось и качество сева.

Успехи Красной Армии на всех фронтах вливали в советских людей новые и новые силы. На победоносное наступление советских войск труженики сел Узбекистана отвечали новыми трудовыми свершениями. Под руководством партийной организации республики развернулось движение колхозников за выполнение двух-трех и более норм, улучшение ухода за хлопчатником и своевременный сбор урожая.

Большую роль в подъеме хлопководства сыграла резко усилившаяся шефская помощь города, рабочего класса республики. Коллективы промышленных предприятий не только изготавливали запасные части для тракторов и сельскохозяйственной техники, но и направляли на село специальные ремонтные бригады, вели там массово-политическую работу. Труженики городов участвовали в проведении полевых работ и уборке урожая.

В результате максимального использования всех материально-технических средств, налаживания организации труда, широкого развертывания социалистического соревнования труженики села Узбекистана обеспечили выполнение плана хлопкозаготовок 1944 г. к 15 декабря и сдали государству 820 тыс. т хлопка-сырца — на 311 тыс. т больше, чем в 1943 г. Урожайность хлопчатника за год повысилась на 60% и составила 11,3 ц/га против 7,1 ц/га в 1943 г. 20 районов получили 15—20-центнеровый урожай, 18 районов увеличили урожайность в два раза и больше, 10 районов, в том числе Кировский, Нарпайский, Пахтакорский, и 970 колхозов достигли довоенной урожайности, 334 бригады и 1680 звеньев получили свыше 30 ц/га хлопка-сырца¹⁴.

Таким образом, хлопкоробы Узбекистана с честью выполнили клятву, данную на I курултае хлопкоробов в январе 1944 г., и достойно отметили 20-летие Узбекской ССР.

За успехи в развитии сельского хозяйства 2500 лучших тружеников полей Узбекистана были награждены орденами и медалями.

«Геронческой работой на хлопковых полях, — писала газета «Правда», — колхозники Узбекистана показали, как надо преодолевать трудности войны. Их победа — это победа животворного советского патриотизма, спаявшего воедино все народы СССР»¹⁵.

1944 год стал началом восстановления хлопководства в республике и дальнейшего его подъема.

В 1945 г. основной задачей партийных организаций Узбекистана была мобилизация масс на закрепление успехов, достигнутых в 1944 г.

18—20 января 1945 г. состоялся II республиканский курултай хлопкоробов, который наметил новые рубежи и принял решение включиться в социалистическое соревнование за высокие урожаи с хлопкоробами Туркмении, Таджикистана, Киргизии, Казахстана, Азербайджана, Армении.

Серьезное внимание было уделено дальнейшему организационно-хозяйственному укреплению хлопковых колхозов, особенно отстающих, а также росту высокоурожайных бригад и звеньев.

Большую роль в выполнении плана хлопкозаготовок последнего года войны сыграло принятое 14 июля 1945 г. постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О мерах по восстановлению и дальнейшему развитию хлопководства в Узбекистане»¹⁶. Оно поставило перед Компартией Узбекистана ответственную задачу — достигнуть довоенного уровня про-

¹³ Там же, д. 254, л. 58—59.

¹⁴ Там же, оп. 21, д. 3, л. 21.

¹⁵ Правда, 1945 г., 16 января.

¹⁶ КПСС и Советское правительство об Узбекистане. Ташкент, 1972, с. 478—483.

изводства хлопка в республике уже в 1947 г. и создать за этот период необходимые предпосылки для дальнейшего мощного подъема хлопководства. Поставление предусматривало и помощь республике в осуществлении этих задач.

На призыв партии и правительства труженики хлопковых полей, вдохновленные нашей Победой, ответили новым подъемом творческой активности. Несмотря на неблагоприятные метеорологические условия весны 1945 г., в колхозах и совхозах был выращен хороший урожай.

К 20 декабря республика выполнила план хлопкозаготовок на 100,6% и дала стране 824 200 т «белого золота». Средняя урожайность хлопчатника составила 11,1 ц/га. Отдельные области получили более высокие показатели: Ташкентская — 14,3 ц/га, Кашкадарьинская — 13,6, Ферганская — 12,9, Наманганская и Андижанская — по 12,6 ц/га.

Колхозники Узбекистана завоевали тогда первенство во всесоюзном социалистическом соревновании за высокий урожай хлопка между хлопкосеющими республиками. Республике были вручены переходящее Красное Знамя Совета Министров СССР и денежная премия. 2621 передовик сельского хозяйства УзССР были награждены орденами и медалями Союза ССР.

Всего за годы войны Узбекистан дал стране 4806 тыс. т хлопка и много другой продукции земледелия и животноводства. Несмотря на огромные трудности военного времени, труженики сельского хозяйства Узбекистана внесли значительный вклад в обеспечение потребностей фронта и тыла в этом ценнейшем сырье. Своим героическим трудом они наглядно продемонстрировали великую созидательную силу советского патриотизма, огромные резервы и возможности, заложенные в колхозно-совхозном производстве, социалистической системе народного хозяйства, успешно выдержавшей суровейший экзамен военного времени.

А. Ю. Иброҳимова

**УЛУҒ ВАТАН УРУШИНИНГ ҲАЛ ҚИЛУВЧИ ДАВРИДА
ЎЗБЕКИСТОНДА ПАХТАЧИЛИКНИНГ РИВОЖЛАНИШИ**

Мақолада Улуғ Ватан урушининг ҳал қилувчи даврида республика қишлоқ хўжалигининг муҳим тармоғи ҳисобланган пахтачиликни юксалтиришда пахтакорларнинг, Ўзбекистондаги барча меҳнаткашларнинг Коммунистик партия раҳбарлиги остида олиб борган кураши ҳақида фикр юритилади.

В. И. ГАЛКИН

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ
В РЕГИОНАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ**

Региональный аспект воспроизводства рабочей силы и использования трудовых ресурсов все больше привлекает внимание специалистов. На эту тему практически по всем республикам, экономическим районам, областям страны имеются публикации и диссертационные исследования. В результате сложилась достаточно серьезная теоретическая и эмпирическая база для общей оценки результатов научных изысканий в этом направлении.

Даже беглый обзор опубликованной литературы, диссертационных работ и научных отчетов свидетельствует о серьезных сдвигах в изучении проблем формирования, распределения и использования трудовых ресурсов в региональном аспекте.

От оценки демографических особенностей до конкретных рекомендаций по рациональному использованию трудовых ресурсов, от изучения частных вопросов к комплексной оценке трудовых ресурсов реги-

она, от общего или сводного баланса трудовых ресурсов к частным балансам молодежи и других категорий населения — таковы важнейшие направления развития научных исследований в области воспроизводства рабочей силы и трудовых ресурсов. Все это позволило конкретизировать задачи дальнейшего изучения и практического решения проблемы повышения эффективности использования трудовых ресурсов применительно к конкретным регионам страны, в том числе Средней Азии.

Как подчеркивалось в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии, «в Средней Азии, в ряде районов Кавказа ... есть избыток рабочей силы, особенно на селе. А значит, нужно активнее вовлекать население этих мест в освоение новых территорий страны. И, конечно, развивать здесь необходимые для народного хозяйства производства, шире вести подготовку квалифицированных рабочих коренной национальности, прежде всего из числа сельской молодежи»¹.

С той же степенью конкретности определены задачи для районов Сибири, Дальнего Востока, Европейской части Союза. Следовательно, задачи ясны, и суть проблемы — в их практической реализации. Сложность ее, как подсказывает опыт, заключается, с одной стороны, — в степени научной обоснованности рекомендаций ученых, а с другой, — в отсутствии должного уровня в управлении процессом формирования, распределения и использования трудовых ресурсов. В связи с созданием и успешным функционированием республиканских комитетов по труду и их органов в областях, районах и крупных городах процесс управления трудовыми ресурсами упорядочился, особенно после наделения комитетов правами экспертизы. Тем не менее формы и методы управления трудовыми ресурсами нуждаются в дальнейшем совершенствовании.

С точки зрения необходимости усиления научной обоснованности рекомендаций надо отметить, что несмотря на усилия ученых проблемы повышения эффективности использования трудовых ресурсов не сходят с повестки дня с начала 60-х годов. Более того, возросли их сложность и масштабы необходимых для их решения ресурсов.

В Узбекистане — самой крупной республике Средней Азии — степень занятости населения в общественном производстве последовательно росла. Однако за годы 10-й и первые годы 11-й пятилетки степень занятости его снизилась. Прогнозы ученых, разработанные в начале 60-х годов, оправдывали себя в течение 10—12 лет, а затем — резкое отклонение фактического положения от прогноза. Причины, лежащие на поверхности, общеизвестны. Это прежде всего — противоречия между быстро растущими трудовыми ресурсами и приростом рабочих мест, между требованиями научно-технического прогресса к качеству трудовых ресурсов и сложившимся уровнем подготовки рабочих кадров и специалистов, между масштабами их подготовки и характером распределения и использования.

Однако есть и более глубокие причины, обуславливающие качество наших прогнозов в области формирования, распределения и использования трудовых ресурсов, степень научной обоснованности рекомендаций ученых по совершенствованию данного процесса.

Это — глубина наших научных знаний о закономерностях и региональных особенностях воспроизводства трудовых ресурсов, его месте в системе расширенного социалистического воспроизводства, о характере его взаимосвязей с другими элементами производительных сил и, наконец, степень совершенства инструмента научного предвидения развития этого процесса в обозримой перспективе.

На последнем факторе, или причине, следует остановиться, поскольку роль его в решении проблемы повышения эффективности общественного производства возрастает.

¹ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 54.

Для сегодняшнего этапа совершенствования системы управления народным хозяйством вообще характерно повышенное внимание к долгосрочным прогнозам социально-экономического и научно-технического развития страны в целом и ее регионов. Эта мысль неоднократно подчеркивалась в выступлениях Генерального секретаря ЦК КПСС К. У. Черненко. На февральском (1984 г.) Пленуме ЦК КПСС он указывал на необходимость глубоко осмыслить большие и сложные задачи совершенствования развитого социализма «в их комплексе, наметить четкую долгосрочную стратегию их решения»². Еще на XXVI съезде партии говорилось: «Сегодня, заглядывая вперед на пять, на десять лет, мы не можем забывать, что именно в эти годы будет закладываться... народнохозяйственная структура, с которой страна вступит в двадцать первый век. Она должна выплывать основные черты и идеалы нового общества, быть в авангарде прогресса, олицетворять собой интеграцию науки и производства, нерушимый союз творческой мысли и творческого труда»³.

Изложенное программное и методологическое требование развито в известном постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР о совершенствовании хозяйственного механизма и повышении качества работы (1979 г.), где определены цели, задачи и последовательность разработки двух важнейших прогнозных документов: «Комплексной программы научно-технического прогресса до 2005 года» и «Генеральной схемы развития и размещения производительных сил до 2000 года».

Оба документа содержат перечень важнейших региональных проблем социально-экономического и научно-технического развития страны, в том числе по Среднеазиатскому региону, а в его составе — по Узбекской ССР. В этот перечень применительно к нашему региону включена проблема повышения эффективности использования трудовых ресурсов в условиях научно-технического прогресса. Масштабы ее весьма велики.

Достаточно отметить, что в перспективе, учитывая высокие и стабильные темпы прироста населения и слабую его мобильность, трудовые ресурсы республики вырастут почти вдвое. Следовательно, даже сохраняя далеко не совершенную структуру занятости населения, в перспективе во имя решения проблемы использования трудовых ресурсов предстоит по существу создать на этой же территории «еще один Узбекистан» со сложным многоотраслевым хозяйством.

Под влиянием научно-технического прогресса трудоемкость общественного производства каждые 20 лет сокращается примерно в 2 раза. Следовательно, названные темпы развития производительных сил республики должны быть еще раз удвоены.

При нынешнем производственном потенциале и ресурсах, уже вовлеченных в хозяйственный оборот, Узбекистан не в полной мере может решить поставленную перед ним задачу повышения эффективности использования быстро растущих трудовых ресурсов. Отсюда необходимость вовлечения в хозяйственный оборот новых ресурсов и более эффективного использования уже накопленного потенциала.

Такова, в общих чертах, прогнозная ситуация в области занятости населения, или использования трудовых ресурсов. Данная ситуация осложняется лимитирующим значением водных, топливно-энергетических ресурсов и фактором эффективности капитальных вложений.

В этих условиях решать проблему повышения эффективности использования трудовых ресурсов старыми методами практически невозможно.

В связи с изложенным, Совет по изучению производительных сил Академии наук Узбекской ССР использует в своих разработках более совершенную методологию прогнозирования трудовых ресурсов, в осно-

² Материалы внеочередного Пленума Центрального Комитета КПСС. 13 февраля 1984 г. М., 1984, с. 17.

³ Материалы XXVI съезда КПСС, с. 44.

ве которой лежат системность, комплексность, вариантность, программно-целевой подход и метод прогноза природных показателей.

Суть этих методологических приемов заключается в двух принципиально новых методологических положениях:

— трудовые ресурсы рассматриваются в качестве отдельного блока общей системы социальных проблем развития производительных сил (занятость, кадры, уровень жизни и сфера обслуживания) с выходом на фонд жизненных средств в качестве целевой функции прогноза развития производительных сил республики;

— прогноз трудовых ресурсов увязывается с системой ресурсного обеспечения, имея в виду не только экономические, но и природные ресурсы.

При этой методологии прогнозирования резко расширяется круг факторов, определяющих эффективность использования трудовых ресурсов, а сами эти ресурсы, применительно к региональным особенностям республики и при всей важности проблемы эффективности их использования, являются лишь частью общей системы прогноза.

В соответствии с этим была предпринята попытка разработки прогноза формирования, распределения и использования трудовых ресурсов, исходя из следующих логических посылок:

1) экстраполяции сложившихся и складывающихся тенденций развития занятости в одиннадцатой пятилетке. Полученные результаты дают систематически снижающуюся занятость населения при ухудшении соответственно всех социально-экономических показателей в расчете на душу населения с учетом высоких темпов его воспроизводства. Ясно, что этот вариант не выдерживает серьезной критики и не может быть принят за основу;

2) достижения наиболее полной и рациональной занятости населения, обеспечивающей к тому же резкое повышение уровня жизни и сферы обслуживания населения. Этот вариант обеспечивает полное решение важнейших социальных проблем развития производительных сил (в пределах научно обоснованных норм), но требует громадных вложений ресурсов при сравнительно невысокой их экономической эффективности. Кроме того, он ограничен по ряду невзаимозаменяемых ресурсов — воде и энергии. До решения в полной мере проблемы переброски части стока сибирских рек в бассейн Аральского моря и включения Средней Азии в единую энергетическую сеть Союза, при ограниченных капитальных вложениях этот вариант остается желаемым, но весьма проблематичным, а практически нереальным;

3) четкой увязки с экономическими и природными ресурсами. Разработка этого варианта потребовала сбалансированности трудовых ресурсов с обобщающими показателями развития производительных сил — общественным продуктом и национальным доходом, факторами их роста — основными фондами и капитальными вложениями, численностью работников и производительностью их труда и с системой удельных показателей капиталоемкости, фондоемкости, материалоемкости, энергоемкости, водоемкости и трудоемкости общественного производства.

Эта увязка осуществляется при условии некоторого опережения темпов роста производительности труда над темпами роста его фондовооруженности, стабилизации и затем роста фондоотдачи, повышения эффективности капитальных вложений.

Следовательно, этот вариант развития производительных сил, приближая нас к решению проблемы повышения эффективности использования трудовых ресурсов в условиях жестких ограничений по воде, энергии и капитальным вложениям, обеспечивает одновременно повышение эффективности общественного производства.

Тем самым в прогнозировании трудовых ресурсов и производительных сил в целом в полной мере нашли свое отражение принципы системности, комплексности, вариантности и сбалансированности, что, без-

условно, повышает степень научной обоснованности конкретных рекомендаций по совершенствованию структуры занятости населения и повышению эффективности использования трудовых ресурсов в конкретных региональных условиях.

Более сложен переход от прогнозирования трудовых ресурсов на макроэкономическом уровне к прогнозу их формирования, распределения и использования на более низких таксономических ступенях — в областях, районах и городах. Накопленный опыт показывает, что наиболее узким местом являются недостатки информационной базы, как статистической, так и прогнозной. Например, в процессе прогнозирования занятости населения городов Узбекистана на долгосрочную перспективу группе работников пришлось собрать исходную информацию и разработать отчетные балансы трудовых ресурсов по большинству городов республики (сбор информации осуществлялся непосредственно по предприятиям и организациям городского хозяйства), определить масштабы и характер маятниковой миграции рабочей силы, изучить социально-экономические основы дальнейшего развития городского хозяйства, т. е. была проделана значительная подготовительная работа в практическом аспекте.

Однако главная трудность заключалась в отсутствии методологии прогнозирования трудовых ресурсов городов, которую пришлось создавать практически заново.

В ее основу были положены важнейшие закономерности развития занятости населения городов, сгруппированных по нескольким важнейшим признакам: людности городских поселений, функциональной значимости и предпосылкам, определяющим характер развития их хозяйства на долгосрочную перспективу. Иначе говоря, прогноз трудовых ресурсов в соответствии с логикой группировок поставлен в зависимость как от развивающейся демографической ситуации, так и от характера социально-экономического развития городов, имеющих однотипные хозяйственные функции.

Одновременно прогнозировались нормативы занятости населения, прежде всего по отношению к уровню и масштабам занятости в домашнем и личном подсобном хозяйстве, сферы учебы с отрывом от производства и отраслям непроемкой сферы или сферы обслуживания населения.

Расчеты показывают, что на каждом определенном этапе развития производительных сил с учетом прогнозируемой демографической и хозяйственной ситуации объективно необходимо поддерживать определенный уровень занятости в домашнем и личном подсобном хозяйстве. По нашему мнению, и применительно к таким трудозбыточным республикам, как наша, этот уровень не должен превышать 12% общей численности трудовых ресурсов (примерно вдвое ниже нынешнего уровня).

Определенная часть трудовых ресурсов должна быть отвлечена в сферу учебы с отрывом от производства. Последовательный расчет потребностей в квалифицированной рабочей силе с разным уровнем квалификации, форм и методов ее подготовки привел к конечному выводу — для нашего региона с его молодой структурой населения и потребностью в квалифицированных рабочих в условиях научно-технического прогресса в эту сферу должно быть отвлечено не менее 13% трудовых ресурсов.

Следовательно, остальные 75% должны быть заняты в общественном производстве.

В свою очередь, критический анализ строительных норм и правил Госстроя СССР, анализ устойчивости коэффициентов взаимосвязей между уровнем занятости в отраслях сферы обслуживания (она, в свою очередь, сгруппирована в три группы отраслей: обслуживающих материальное производство; обслуживающих население; обслуживающих

щих общество в целом) и контингентом обслуживания привел нас к достаточно обоснованному выводу — в сфере обслуживания (включая транспорт и связь, материально-техническое снабжение, заготовки, торговлю и общественное питание и другие отрасли) должно быть занято около 35% трудовых ресурсов.

И, наконец, оставшиеся 40% трудовых ресурсов должны быть заняты в промышленности, сельском хозяйстве и строительстве.

Такова прогнозная модель занятости, обеспечивающая, при наличии соответствующего ресурсного обеспечения, рациональную структуру занятости населения. Выше было отмечено, что ограничения по ресурсам резко усложняют процесс ее реализации.

Тем не менее она остается конечной целью совершенствования структуры занятости населения и повышения эффективности использования трудовых ресурсов в региональных условиях. Альтернативой в данном случае выступает ресурсный вариант занятости населения, оставляющий место для народнохозяйственных резервов труда в пределах примерно 5—10% численности трудовых ресурсов.

Была предпринята попытка разработки идентичной модели для групп городов, а затем для каждого города, входящего в данную группу, нацеленная на последовательный переход от макроэкономического уровня к прогнозу формирования, распределения и использования трудовых ресурсов по конкретным городам, с учетом их демографического и социально-экономического развития. Сложность этого перехода заключалась в отсутствии необходимой прогнозной информации в части социально-экономического развития конкретных городов, т. е. в условиях отсутствия данных о реконструкции старых и строительстве новых объектов социально-культурного, жилищно-бытового и хозяйственного назначения.

В свою очередь, привязку этих объектов к конкретному городу можно осуществить только при условии прогноза факторов размещения, в том числе свободных трудовых ресурсов.

Из этого замкнутого круга есть лишь один выход — разработка модели занятости населения города с предварительной оценкой основных направлений хозяйственного развития, исходя из природных ресурсов и его специализации.

Для этого используется изложенная выше схема разработки, но с весьма существенными поправками:

1) занятость в домашнем и личном подсобном хозяйстве определяется исходя из общей тенденции ее снижения или стабилизации, характерной для той группы, в которую входит конкретный город;

2) занятость в сфере учебы определяется в соответствии с местом, которое занимает или будет занимать в перспективе город, где необходимо сконцентрировать подготовку кадров высшей и средней квалификации;

3) по отношению к уровню занятости в отраслях, обслуживающих население, заложен принцип выравнивания, независимо от величины городов и их хозяйственной специализации;

4) дальнейшее развитие занятости в отраслях материального производства определено исходя из необходимости повышения степени комплексности хозяйства городов при дальнейшем развитии их хозяйственной специализации и, на данном этапе, исходя из геолого-экономической оценки минерально-сырьевых и топливно-энергетических ресурсов, играющих роль градообразующего фактора.

Таким образом, построенная прогнозная модель занятости населения городов отражает желаемый вариант развития города в долгосрочной перспективе.

Наиболее характерно для методологии прогнозирования трудовых ресурсов городов сочетание методов прогноза абсолютных уровней занятости и их относительного выражения с методами прогноза распреде-

ления прироста трудовых ресурсов по сферам приложения труда и отраслям народного хозяйства.

Это исключает возможность крупных ошибок в прогнозе и четко определяет характер распределения прироста трудовых ресурсов города в зависимости от целей и задач его социально-экономического развития.

Разработанная методология прогнозирования занятости населения городов, как показал опыт, служит надежным научным средством определения перспектив их развития.

Таковы, в наиболее общем виде, важнейшие проблемы совершенствования методологии прогнозирования трудовых ресурсов в региональных условиях, которые, разумеется, требуют дальнейшей глубокой разработки в свете указаний партии о необходимости подлинно научного обоснования ближайших и отдаленных перспектив развития общества зрелого социализма на пути к коммунизму.

В. И. Галкин

**РЕГИОНАЛ ШАРОИТЛАРДА МЕҲНАТ РЕСУРСЛАРИНИ
ПРОГНОЗЛАШНИНГ МЕТОДОЛОГИК ПРОБЛЕМАЛАРИ**

Мақолада назарий ва амалий жиҳатдан муҳим проблемма — меҳнат ресурсларини такрор ишлаб чиқариш ва улардан фойдаланишни прогнозлаш методологиясига бағишланган бўлиб, бу масала регионал шароитнинг ўзига хос хусусиятларини ҳисобга олган ҳолда кўриб чиқилган.

*Наши юбиляры***К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
АКАДЕМИКА АН УзССР К. Е. ЖИТОВА**

Исполнилось 80 лет со дня рождения академика АН УзССР, доктора исторических наук, профессора Константина Евлампиевича Житова — одного из представителей первого поколения советских историков Узбекистана, специалиста по истории подготовки и свершения Октябрьской революции в Средней Азии, деятельности Коммунистической партии Туркестана и Компартии среднеазиатских республик.

К. Е. Житов родился 27 мая 1904 г. в Гогане Иркутской губернии в крестьянской семье. Русский. Член КПСС с 1922 г.

В 1920—1922 гг. К. Е. Житов — председатель уездного бюро и секретарь комитета РКСМ Верхотенского уезда Иркутской области, в 1922—1924 гг. — студент рабфака (Иркутск). Высшее образование по специальности «История СССР» получил в Институте красной профессуры (1924—1929), где среди его ближайших учителей были профессоры М. Н. Покровский и С. М. Дубровский.

По окончании института К. Е. Житов был направлен в Ташкент и назначен заведующим кафедрой истории СССР Среднеазиатского коммунистического университета. В 1933—1938 гг. он — заместитель директора и заведующий кафедрой истории Среднеазиатского института марксизма-ленинизма, в 1932—1934 гг. — также заме-

ститель директора Среднеазиатского научно-исследовательского института истории революции (САНИИР). В 1938—1941 гг. — заведующий сектором истории Коммунистической партии Узбекского филиала ИМЭЛ при ЦК ВКП(б).

В 1941—1946 гг. К. Е. Житов находился в рядах Советской Армии: старший преподаватель Ташкентского пехотного училища им. В. И. Ленина, начальник социально-экономического цикла 2-го Туркестанского пулеметного училища, затем старший инструктор Политического управления Среднеазиатского военного округа.

В 1946—1947 гг. К. Е. Житов — заместитель директора по научной части, а в 1949—1952 гг. — директор Института истории партии — филиала ИМЭЛ при ЦК ВКП(б). В 1948 г. он — заведующий отделом ЦК КП(б) Уз, а в 1952—1959 гг. — кандидат в члены ЦК КПУз. 11 апреля 1952 г. он был избран действительным членом (академиком) Академии наук Узбекской ССР, в 1952—1956 гг. — вице-президент республиканской Академии наук. С 1956 г. — заведующий кафедрой истории КПСС Ташкентской высшей партийной школы, с 1980 г. — профессор ТашГУ им. В. И. Ленина.

В 1939 г. К. Е. Житов защитил кандидатскую диссертацию «Завоевание Средней Азии царской Россией», а в 1958 г. — докторскую «Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Узбекистане». В 1940 г. утвержден в звании доцента, в 1960 г. — профессором. В 1964 г. удостоен звания заслуженного деятеля науки Узбекской ССР.

К. Е. Житов — автор многочисленных широко известных научных публикаций. В 1957 г. увидела свет его монография «Победа Великой

Октябрьской социалистической революции в Узбекистане», до сих пор не утратившая научного значения. В 1959 г. издана его работа «Большевики Туркестана в период подготовки и победы Великой Октябрьской социалистической революции и упрочения Советской власти» (совместно с И. К. Додоновым и М. Х. Халмухамедовым).

Участник фундаментальных коллективных работ по истории Узбекистана. В четырехтомной «Истории Узбекской ССР» перу К. Е. Житова принадлежат разделы «Победа Февральской демократической революции в Узбекистане. Узбекистан накануне Великой Октябрьской социалистической революции» (т. II, 1968), «Назревание революционно-го кризиса в Туркестане. Победа вооруженного восстания в Ташкенте» (т. III, 1967), и др.

Один из авторов и член редколлегии коллективной работы «Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане» (1967) и раздела «Борьба большевиков Туркестана за установление Советской власти. Образование Коммунистической партии Туркестана (апрель 1917 — июнь 1918 года)» в книге «История коммунистических организаций Средней Азии» (1967). В 1984 г. написана его работа «Басмачество — враг созидательного труда народа» и др.

В ряде статей К. Е. Житова освещаются малоизученные аспекты истории зарождения и развития Коммунистической партии Туркестана. Он один из специалистов по проблеме истории сложения и роста коммунистического движения в Средней Азии.

К. Е. Житов — научный редактор многих изданий: «Нерушимая дружба. К 300-летию воссоединения Украины с Россией» (1954), «Исторический опыт строительства социализма в Узбекистане» (1960), «Социально-экономическое и политическое положение Узбекистана накануне Октября» (1973, совместно с Х. З. Зияевым), «Изменение классово-структуры общества в Узбекистане за годы Советской власти» (1984, совместно с Р. Х. Аминовой) и др. Он один из руководителей коллектива авторов книги «Исторический опыт строительства социализма в республиках Средней Азии» (М., 1968). Им написано (совместно с М. Г. Вахабовым и Б. Т. Дегтяр) учебное пособие «История Узбекской ССР» (1965) для 8-х классов школ республики.

К. Е. Житов известен и многолетней педагогической деятельностью в качестве преподавателя и лектора по истории КПСС. Им подготовлено много кандидатов и докторов наук.

С 1957 г. (со дня основания) по 1979 г. К. Е. Житов был членом редакционной коллегии журнала «Общественные науки в Узбекистане», на страницах которого он не раз выступал с научными статьями.

К. Е. Житов — участник Первой всесоюзной конференции историков-марксистов в Москве (1930), всесоюзных научных сессий по истории народов Средней Азии и Казахстана дооктябрьского периода (Ташкент, 1954), эпохи социализма (Алма-Ата, 1957), по проблеме присоединения Средней Азии к России (Ташкент, 1959) и многих других.

Награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом Дружбы народов, орденом «Знак Почета», многими медалями, Почетными грамотами Президиума Верховного Совета УзССР и Президиума Верховного Совета ТуркмССР.

В настоящее время продолжает работу по историографии истории Коммунистической партии Туркестана.

Научная общественность высоко ценит заслуги Константина Евлампиевича как ученого, педагога, наставника молодых кадров, общественного деятеля и горячо желает ему новых успехов в работе на благо советской науки.

Президиум Академии наук Узбекской ССР,

Отделение истории, языкознания и литературоведения,

Редакционная коллегия журнала «Общественные науки в Узбекистане».

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АКАДЕМИКА АН УЗССР М. Ю. ЮЛДАШЕВА

Научная и широкая общественность республики отмечает 80-летие со дня рождения академика АН УзССР, доктора исторических наук, профессора Мухамеджана Юлдашевича Юлдашева — известного историка-востоковеда и общественного деятеля.

М. Ю. Юлдашев родился 1 мая 1904 г. в кишлаке Бешарык Кокандского уезда Ферганской области в семье кустика. Узбек. Член КПСС с 1922 г.

В 1912—1918 гг. учился в кишлачной школе. В 1918—1920 гг. работал ткачом. С 1919 г. — комсомолец, в 1921 г. был избран членом Революционного Совета в Бешарыке, был членом партийной дружины и политруком воинского эскадрона, ведшего операции против басмачества.

В 1923 г. М. Ю. Юлдашев был направлен на учебу в Среднеазиатский коммунистический университет (САКУ) в Ташкенте, но в 1925 г. отозван на партийную работу (секретарь партийной организации союза пищевиков в старгородской части Ташкента). В 1926 г. возобновил занятия в САКУ и после его окончания был зачислен в аспирантуру, а вскоре был избран заведующим орготделом Ташкентского старгородского райкома партии.

В 1929—1932 гг. М. Ю. Юлдашев — заведующий орготделом и секретарь Ташкентского окружного комитета партии, заведующий орготделом Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б).

В 1932—1935 гг. находился на работе в ЦК КП(б) Украины. В 1926—1932 гг. был также преподавателем рабочего факультета партийных курсов (Ташкент).

С 1935 г. М. Ю. Юлдашев — слушатель историко-партийного отделения Института красной профессуры в Москве. С 1937 г. — секретарь Ташкентского горкома, затем обкома партии, с 1940 г. — Народный комиссар просвещения Узбекской ССР. С 1942 г. Мухамеджан Юлдашевич был заведующим кафедрой марксизма-ленинизма и директором Бугурусланского учительского института, в 1945—1948 гг. — директором Мордовского педагогического института (Саранск).

В 1937—1941 гг. М. Ю. Юлдашев был также директором республиканского филиала Института Маркса — Энгельса — Ленина, в 1941 г. — директором Института истории Узбекского филиала АН СССР и членом Президиума УзФАН. В 1938—1941 гг. он был ответственным редактором журнала «Коммунист Узбекистана».

С 1948 г. М. Ю. Юлдашев — докторант Академии наук СССР, в 1951—1956 гг. — старший научный сотрудник Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР и одновременно доцент Ленинградского государственного университета А. А. Жданова.

С 1956 г. М. Ю. Юлдашев — директор Института истории партии при ЦК КП Узбекистана, с 1961 г. — заведующий сектором исследования и описания актов и документов на восточных языках Института востоковедения Академии наук Узбекской ССР. В настоящее время — научный консультант Института.

В 1947 г. М. Ю. Юлдашев защитил кандидатскую диссертацию «Торговые сношения Бухары с Россией в XVI—XVII вв.», в 1953 г. — докторскую «Землевладение и государственное устройство феодальной Хивы XIX века в свете материалов архива хивинских ханов». В 1956 г.

был избран членом-корреспондентом, а в 1968 г. — академиком Академии наук Узбекской ССР. В 1961 г. утвержден в звании профессора.

М. Ю. Юлдашев — автор свыше 70 публикаций, преимущественно по вопросам истории крестьянства, аграрных отношений и государственного устройства Хивы, по истории торговых и посольских связей Средней Азии с Россией в XVI—XVII вв. Им подготовлены к печати документальные материалы по истории Хивы (в том числе из архива хивинских ханов), сопровождаемые комментарием. В сфере его интересов — архивоведческая и историографическая тематика. Его перу принадлежит и несколько публикаций по истории Советского Узбекистана.

Под руководством М. Ю. Юлдашева ряд молодых ученых защитили кандидатские диссертации. С 1959 до 1975 г. он был членом ВАКа.

В течение многих лет М. Ю. Юлдашев является членом редколлегии журнала «Общественные науки в Узбекистане», где им опубликован ряд научных статей.

М. Ю. Юлдашев — участник XXIII (Кембридж, 1954) и XXV (Москва, 1960) Международных конгрессов востоковедов, XIII Международного конгресса историков (Москва, 1970), многих всесоюзных и республиканских научных сессий и конференций. Делегат XVI и XVIII съездов КПСС. Избирался членом Ташкентского обкома партии, ЦК КПУз, ЦИК УзССР. Депутат Верховного Совета СССР первого созыва.

Мухамеджан Юлдашевич награжден орденами Ленина и «Знак Почета», медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «За трудовую доблесть», Почетными грамотами Президиумов Верховных Советов Узбекской ССР и Мордовской АССР. В связи с 80-летием ему присвоено звание «Заслуженный деятель науки Узбекской ССР».

В настоящее время он продолжает работу по тематике крестьянского и национально-освободительного движения в дореволюционном Узбекистане.

Ученые республики, сердечно поздравляя Мухамеджана Юлдашевича в день его юбилея, от души желают ему успешного продолжения его плодотворной деятельности.

Президиум Академии наук Узбекской ССР,

Отделение истории, языкознания и литературоведения,

Редакционная коллегия журнала «Общественные науки в Узбекистане».

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

ИЗ ИСТОРИИ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ КАРАКАЛПАКИСТАНА

В нынешнем году, когда отмечается 60-летие Узбекской ССР и Компартии Узбекистана, исполняется также 50 лет со времени организации высшего образования в Советском Каракалпакистане.

До Октябрьской революции на территории нынешней Каракалпакии, как и всей Средней Азии, не было ни одного высшего учебного заведения. В районах современной Каракалпакии действовали тогда всего пять «туземных» школ, где обучалось несколько десятков сынков местных богатеев. Ныне же на 10 факультетах Нукусского Государственного университета очно и заочно обучается около 6 тыс. студентов. Подготовка кадров со средним специальным образованием ведется в 25 учебных заведениях, а квалифицированных рабочих — в 41 профессионально-техническом училище.

Таких успехов в подготовке кадров Каракалпакистан смог достичь только в условиях социалистического строя, благодаря огромной заботе КПСС, помощи всех братских народов СССР.

Как известно, в результате национально-государственного размежевания Средней Азии в 1925 г. была создана и Каракалпакская автономная область, преобразованная в 1932 г. в Каракалпакскую АССР.

Успехи социалистического строительства в Каракалпакистане обусловили необходимость организации здесь высшего учебного заведения. На заседании Совета Народных Комиссаров ККАССР 1 июля 1934 г. был специально рассмотрен вопрос «Об организации Педагогического института». В постановлении СНК говорилось: «В связи с осуществлением задачи семилетнего обязательного всеобщего обучения и возрастанием потребности в квалифицированных кадрах для неполной средней школы, открыть с начала 1934—1935 учебного года в Турткуле педагогический институт». В том же году начало работу подготовительное отделение, рассчитанное на 60 человек¹.

Однако практически открыть в то время педагогический институт не удалось из-за отсутствия соответствующего контингента. Поэтому с 1 сентября 1934 г. в ККАССР был открыт учительский институт, причем в нем существовало лишь подготовительное отделение². Только в 1935 г. выпускники этого отделения стали студентами двухгодичного учительского института, положившего начало подготовки в автономной республике квалифицированных учительских кадров. Преподавание там строилось на базе средней школы. Институт давал своим выпускникам незаконченное высшее образование, позволявшее им преподавать в школе и поступать для завершения высшего образования в педагогические институты.

Тем не менее открытие первого в Каракалпакистане педагогического учебного заведения явилось важным событием в общественно-политической и культурной жизни автономной республики, ярким выражением осуществления ленинской национальной политики и постоянной заботы Коммунистической партии и Советского государства о развитии культуры каракалпакского народа, социалистической по содержанию и национальной по форме.

Первыми преподавателями учительского института были У. Б. Булешов — ныне доцент, кандидат физико-математических наук, заслуженный учитель КК АССР, М. Г. Галикеев — ныне доцент, заслуженный учитель УзССР, Н. Д. Давкараев — доктор филологических наук, член-корр. АН УзССР, Я. М. Досумов — доктор исторических наук М. А. Музафаров, М. В. Щеглов, С. Б. Булатов, Д. Б. Базаров, А. Б. Бегимов, Т. Д. Кочанов и др.³

Институт начинал свою деятельность в составе двух отделений: физико-математического и каракалпакского языка и литературы⁴. В 1937 г. было открыто отделение русского языка и литературы, в 1940 г. — историческое, а в 1943 г. — естественно-географическое отделение. Позднее они были преобразованы в факультеты.

¹ 40 лет Каракалпакскому госпединституту. Нукус, 1975, с. 5.

² ЦГАОР СССР, ф. 9396, оп. 6, д. 27, л. 133.

³ Текущий архив Нукусского государственного университета.

⁴ ЦГА УзССР ф. Р-94, оп. 5, д. 2671, л. 21.

Новой важной вехой в развитии высшего образования в ККАССР стало открытие в Нукусе педагогического института. Постановлением ЦК КП(б)Уз от 10 ноября 1943 г. «О работе Каракалпакского обкома КП(б) Узбекистана» было, в частности, предусмотрено «организовать в 1944—1945 учебном году Каракалпакский Государственный педагогический институт с охватом 300 человек, сохранить имеющийся Учительский институт. Организовать 25 ноября 1943 года при пединституте одногодичные и двухгодичные подготовительные отделения по 60 человек каждое»⁵

В 1944 г. учительский институт был преобразован в Объединенный Каракалпакский государственный педагогический и учительский институт с факультетами каракалпакского и русского языка и литературы, истории, физико-математическим и естественно-географическим⁶. Его создание должно было ускорить рост квалифицированных педагогических кадров в автономной республике. В ККАССР тогда имелось 130 неполных средних и 81 средняя школа, а учителей с высшим образованием было всего 49 человек⁷.

В 50-е годы сеть учительских институтов в стране была сокращена, ибо средняя школа требовала более высокого уровня подготовки учителей, а в стране созрели условия для дальнейшего развития педагогических вузов. В результате Каракалпакский учительский институт был упразднен.

В 1964 г., в дни литературы и искусства Украинской ССР в Узбекистане и Каракалпакистане, в целях увековечения памяти великого kobзря ЦК КПУз принял постановление о присвоении имени Т. Г. Шевченко Каракалпакскому педагогическому институту⁸.

Большим событием в жизни педагогического института стало открытие объединенного с Каракалпакским филиалом АН УзССР вычислительного центра, который стимулировал подготовку высококвалифицированных научных кадров по прикладной математике и дальнейший рост исследований в этой области.

Руководствуясь указаниями партии и правительства, коллектив Каракалпакского государственного педагогического института стремился шире использовать современные научно-технические средства при обучении студентов, формировать у них интерес к самостоятельной работе, глубже развивать научные исследования и шире привлекать к ним студентов, активизировать идейно-воспитательную работу среди студенчества.

Десять лет назад в истории высшей школы Каракалпакистана произошло важное событие. 17 мая 1974 г. было опубликовано постановление Совета Министров СССР «Об организации в г. Нукусе Государственного университета», который было намечено открыть в 1976 г. на базе Каракалпакского педагогического института⁹.

Ныне на 10 факультетах НГУ готовятся специалисты для отраслей народного хозяйства по 20 специальностям. Обучением и воспитанием студентов занимается высококвалифицированный профессорско-преподавательский коллектив: на 43 кафедрах работают 410 преподавателей, в том числе 12 докторов и 170 кандидатов наук¹⁰. Ректор НГУ Ч. А. Абдиров — видный ученый, член-корр. АН УзССР, доктор медицинских наук, профессор.

В университете ведется широкая научно-исследовательская работа. Коллектив его сотрудничает более чем с 60 академическими и отраслевыми научно-исследовательскими институтами, ведет разработку 7 союзных и республиканских целевых программ. При НГУ открыта аспирантура по каракалпакской литературе и истории.

В лабораториях университета исследуются такие важные проблемы, как выращивание монокристаллов и создание на их основе полупроводников, влияние облучения лазером на повышение урожайности хлопчатника и риса, биологическое освоение пустынь, проблемы Арала и т. д.

Нукусский государственный университет готовит не только кадры педагогов для системы просвещения и профтехобразования, но и агрономов, инженеров механизации сельского хозяйства, бухгалтеров, плановиков. Открытый в сентябре 1977 г. сельскохозяйственно-экономический факультет ныне стал самым крупным в университете по числу студентов.

Укрепляется и материально-техническая база НГУ, где сейчас имеются 12 учебно-вспомогательных корпусов, 92 лаборатории и учебно-научных кабинета, вычислительный центр, библиотека с тремя читальными залами, Дворец культуры студентов на 650 мест, столовая на 350 мест, три общежития с бытовыми службами, санаторий-профлакторий, типовой спортивный зал и др.

Производственной базой университета служат такие известные промышленные и научные центры, как Волгоградский тракторный завод, «Ташсельмаш», «Навоазот», Никитинский ботанический сад, передовые совхозы и колхозы ККАССР.

Подготовка кадров в НГУ осуществляется на основе единства всего учебно-воспитательного процесса. Разработан комплексный план идейно-воспитательной работы, рассчитанный на весь период обучения студентов. Большое внимание уделяется

⁵ История ККАССР. Т. 2. Ташкент, 1974, с. 392.

⁶ Урумбаев Ж. А. Очерки истории школ Каракалпакистана. Нукус, 1973, с. 490.

⁷ ЦГА УзССР, ф. Р-94, оп. 5, д. 4643, л. 44.

⁸ 40 лет Каракалпакскому госпединституту, с. 25.

⁹ Известия, 1974 г., 17 мая.

¹⁰ Нукусский университет, 1983 г., 21 октября.

интернациональному воспитанию студенчества, в составе которого — представители 30 национальностей¹¹.

Уже в 1983 г. в ИГУ обучалось около 6,7 тыс. студентов против 5,4 тыс. в 1970 г., а выпуск молодых специалистов вырос за эти годы с 972 до 1209 человек.

Всего за годы существования этого вуза из его стен вышло более 20 тыс. специалистов. Из числа его выпускников выросли видные партийные, советские и комсомольские вожаки, крупные ученые, писатели, композиторы, журналисты. Среди них — первый секретарь Каракалпакского обкома КПУз, Герой Социалистического Труда К. К. Камалов, Председатель Президиума Верховного Совета ККАССР, канд. экон. наук К. Р. Рзаев, секретарь ЦК КПУз Е. А. Айтмуратов, секретарь обкома КПУз К. Е. Юсупов, министр просвещения ККАССР, канд. ист. наук И. К. Косымбетов и др.; академики АН УзССР М. К. Нурмухамедов, С. К. Камалов, доктора наук С. А. Ахмедов, К. М. Максетов, Н. А. Урумбаев, А. Б. Бабаджанов, Д. С. Насыров, У. Д. Доспанов, Ж. Б. Базарбаев; видные поэты и писатели — И. Юсупов, Т. К. Каипбергенов, Х. С. Сейтов, Т. Кабулов, С. Ходжаниязов, десятки кандидатов наук и т. д.

Многие выпускники этого вуза за долготлетнюю и безупречную работу в органах народного образования награждены орденами и медалями СССР, удостоены званий заслуженного учителя Узбекской ССР и ККАССР, среди них — Герой Социалистического Труда Х. Ембергенов. Сотни выпускников успешно работают в Хорезмской области УзССР, Ташаузской области Туркменской ССР и т. д.

Особо следует отметить подготовку женских кадров специалистов. В настоящее время 50% контингента студентов составляют девушки местных национальностей. Многие выпускницы вуза стали партийными, советскими, комсомольскими работниками, учеными, учителями, пополняя ряды интеллигенции автономной республики. Среди них — доктор филологических наук З. Х. Насруллаева, писательницы С. Бахадырова, Г. Е. Есемуратова, заместитель Председателя Совета Министров ККАССР А. Г. Гаипова, министр социального обеспечения ККАССР У. Алламуратова и многие другие. Немало среди них депутатов Верховных Советов УзССР и ККАССР, заслуженных учителей УзССР и ККАССР.

Сейчас из каждых 1000 человек, занятых в народном хозяйстве ККАССР, 815 имеют высшее и среднее специальное образование и в этом — немалая заслуга Нукусского пединститута, а ныне — университета, вносящего достойный вклад в развитие экономики и культуры ККАССР.

Р. Д. Уразбасва

¹¹ Партархив Каракалпакского ОК КПУз, ф. 3, оп. 14, д. 233, л. 19.

К 80-ЛЕТИЮ ПЕРВЫХ МАЕВОК В ТУРКЕСТАНЕ

В этом году исполняется 80 лет со времени первого политического выступления рабочего класса в Туркестане, впервые на далекой окраине России отметившего международный пролетарский праздник — день 1 Мая.

К этому времени в результате постепенного развития промышленности и железнодорожного транспорта в крае сформировался довольно крупный для того времени отряд российского пролетариата — свыше 30 тыс. рабочих. Их состав с самого начала был интернациональным. Ядро его составляли русские рабочие-железнодорожники. По своему положению они были близки к металлистам Центральной России, которых В. И. Ленин называл передовым отрядом пролетариата¹. Вместе с тем рос и развивался местный рабочий класс, источником формирования которого служили земледельческое население городов и пригородных сел, а также разорившиеся мелкие ремесленники-кустари.

Крупными пунктами сосредоточения местных рабочих были Ташкент, Кизыл-Арват, Асхабад (Ашхабад), Чарджуй (Чарджоу), Самарканд, Андижан, Красноводск и др. Среди них особенно выделялся Ташкент, где находились Главные мастерские Среднеазиатской железной дороги, крупнейшее депо и временные, а с 1 января 1906 г. — постоянные (Бородинские) мастерские Оренбург-Ташкентской железной дороги. Накануне революции 1905—1907 гг. здесь было свыше 2 тыс. железнодорожников. В Ташкенте тогда действовало свыше 50 промышленных предприятий с общим количеством рабочих до 2000 человек. В конце XIX — начале XX в. в городе быстрыми темпами шло строительство различных административных зданий, промышленных предприятий, культурных учреждений, в сооружении которых участвовал довольно значительный отряд постоянных строительных рабочих, большей частью из коренного населения. Все это определяло ведущую роль ташкентского пролетариата в революционном движении в крае.

Развитие рабочего движения в Туркестане было тесно связано с деятельностью сосланных сюда из России революционных элементов. Среди них значительную часть составляли социал-демократы, большевики.

Так, в 1902 г. в Ташкент под надзор полиции были сосланы К. А. Молчанов, М. Н. Васильев, М. А. Веденяпин, В. Д. Корнюшин, А. Р. Бахирев, Ф. Ф. Феоданов и др.² В 1903 г. в Туркестане, главным образом в Ташкенте, находилось 59 ссыль-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 313.

² ЦГА УзССР, ф. И-133, оп. 3, д. 38, л. 3—4.

ных. Общась с различными слоями местного населения — рабочими, передовой интеллигенцией, солдатами. — революционные социал-демократы вели пропагандистскую работу, знакомили массы с марксистской литературой, трудами В. И. Ленина, партийными документами. В 1902 г. среди рабочих Ташкента распространялась ленинская «Искра». В заключении прокурора Ташкентской судебной палаты по обвинению типографских рабочих Н. И. Копцова и Я. Е. Терентьева указывалось, что они «в 1902 году в городе Ташкенте с целью злоумышленного распространения среди рабочих ташкентских типографий и переплетных мастерских сочинений, дерзостно порицающих установленный государственным законами образ правления, передавали рабочим для чтения газету нелегального направления под заголовком «Искра»³. Позднее в Ташкенте появились другие большевистские газеты — «Вперед», «Пролетарий» и др. В 1903 г. здесь распространилось известие о II съезде РСДРП, а позднее были получены его материалы.

В начале XX в. в городах и на крупных железнодорожных станциях края появляются нелегальные революционные кружки, о чем мы находим сведения в газетах «Искра» и «Пролетарий». Так, в № 8 «Пролетария» от 23 ноября 1906 г. была помещена корреспонденция из Ташкента, где, в частности, отмечалось, что в 1901—1904 гг. в Туркестане (Асхабаде, Самарканде, Ташкенте и некоторых других городах) «образовались небольшие кружки из местной радикальной интеллигенции и железнодорожных рабочих».

В Ташкенте наиболее регулярно работал кружок большевика В. Д. Корнюшина. Члены его читали революционную литературу, обсуждали отдельные вопросы рабочего и социал-демократического движения, анализировали положение дел в Ташкенте. Занятия кружка обычно проходили на квартире Корнюшина. Он привлекал к революционной работе молодых рабочих и учеников ремесленного училища (где некоторое время работал столяром), железнодорожников.

Нелегальные кружки появляются и среди железнодорожных рабочих. Кружок паровозного цеха назывался «Начало», вагонного — «Вперед». Организаторами их были К. Д. Литвишко и Р. С. Баталов, стоявшие на большевистских позициях.

Довольно авторитетный социал-демократический кружок существовал и у рабочих ташкентских типографий; им руководили упомянутые выше наборщик Н. И. Копцов и переплетчик Я. Е. Терентьев.

Во всех этих кружках рабочие изучали Программу и Устав РСДРП, обсуждали актуальные вопросы теории и практики революционной борьбы.

Во второй половине 1903 г. в Главных мастерских Среднеазиатской железной дороги в Кизыл-Арвате среди рабочих был создан социал-демократический кружок, куда вошло сначала около 25 человек. К началу 1904 г. этот кружок настолько расширился, что его пришлось разделить на 5 кружков. В том же году в Кизыл-Арват прибыл посланец Бакинского комитета РСДРП Бузов (партийная кличка — Соломон), который из существовавших здесь кружков организовал социал-демократическую группу, называвшую себя «Кизил-Арватским союзом». Активными деятелями этой группы были конторщик Белковский, токарь Петр Александров, рабочий Лисевичкий и многие другие. Организация поддерживала прочную связь с большевистским комитетом РСДРП в Баку, откуда приезжали агитаторы и пропагандисты, поступала нелегальная литература.

В 1904 г. в Ташкенте на основе объединения нескольких кружков также была создана социал-демократическая группа. Вскоре ташкентские социал-демократы наладили выпуск нелегальной литературы, прежде всего прокламаций, сначала на гектографе, а несколько позднее — типографским способом. Организаторами их издания были К. Д. Литвишко, И. Я. Бабак, А. А. Линяев; выпускали их за подписью Ташкентской группы РСДРП. Эти прокламации широко распространялись не только в Ташкенте, но и в других городах края и сыграли большую роль в формировании там социал-демократического движения.

Все это создавало благоприятную почву для открытых политических выступлений рабочих, и в 1904 г. впервые в истории Туркестана рабочие Ташкента и Кизыл-Арвата отметили пролетарский праздник — 1 Мая. Инициаторами и организаторами первых меевок стали революционные социал-демократы.

В Ташкенте накануне 1 мая на квартире В. Д. Корнюшина состоялось нелегальное собрание местных социал-демократов, на котором был выработан план меевки. Всем участникам собрания была роздана отпечатанная на гектографе прокламация, призывавшая к празднованию 1 Мая, к борьбе против самодержавия, за завоевание политической свободы и улучшение положения рабочего класса⁴.

Рано утром 1 мая рабочие социал-демократы Лаптев и Рудин разбросали прокламации у ворот Главных железнодорожных мастерских, в цехах, расклеили их на заборе и стенах цеховых контор, рассовали в инструментальные ящики рабочих. Рабочие с интересом читали прокламацию, горячо обсуждали ее лозунги.

Незадолго до окончания работы был дан гудок, все рабочие вышли во двор мастерских, в воздух полетели пачки прокламаций, которые тотчас были разобраны рабочими. Раздалась возгласы: «Да здравствует 1 Мая!», «Долой произвол!», «Товарищи объединяйтесь!» и т. д. С пенем «Марсельезы» рабочие двинулись к выходу. Администрация и жандармы ретерялись и потому никого из организаторов этого выступления обнаружить и арестовать не удалось. Группа рабочих двинулась

³ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 31, д. 219, л. 2—5.

⁴ История коммунистических организаций Средней Азии. Ташкент, 1967, с. 41.

за город. Здесь, за Тезиковой дачей, у железнодорожного переезда, состоялась первая маевка ташкентских рабочих. Помимо железнодорожников, к ней присоединились рабочие других ташкентских предприятий, в том числе рабочие-узбеки с расположенных поблизости кожевенных и кирпичных заводов. Здесь впервые было поднято Красное Знамя, пелись революционные песни, звучали речи, звавшие к борьбе. Яркую речь о значении пролетарского праздника произнес В. Д. Корнюшин.

В тот же день в Кизыл-Арвате, в загородных садах, также состоялась рабочая маевка, причем она проходила настолько конспиративно, что полиция ничего не могла о ней сообщить.

Первые маевки стали событием огромной важности в истории революционного движения в Туркестане. Они свидетельствовали об усилении влияния социал-демократов среди рабочих масс, росте классовой сознательности последних, готовности рабочих к активной политической борьбе против гнета царизма и капитала.

Л. Н. Кравец

ОБ ОТЖИВАНИИ СЕМЕЙНОЙ ОБЩИНЫ У УЗБЕКОВ В XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

(На этнографическом материале южных областей Узбекистана)

Вопросы большесемейной общины у узбеков южных областей Узбекистана не нашли достаточного освещения в дореволюционной литературе. Эта актуальная проблема привлекла к себе внимание советских ученых-этнографов¹. Однако многие аспекты ее не получили пока должной разработки.

Здесь мы попытаемся на основе литературных, полевых этнографических материалов, собранных нами в результате систематического обследования населения Кашкадарьинской и Сурхандарьинской областей Узбекистана в 1977—1981 гг., показать процесс изживания большесемейной общины у узбеков данного региона.

Семейная община была, как известно, свойственна большинству народов мира, прошедших первобытнообщинную стадию развития. Как отмечал Ф. Энгельс, семейная община «охватывает несколько поколений потомков одного отца с их женами, причем все они живут вместе единым двором, сообща обрабатывают свои поля, питаются и одеваются из общих запасов и сообща владеют излишком дохода»².

Семейная община³ представляет собой группу, состоящую из трех-пяти, а иногда и более поколений ближайших родственников, как нисходящих, так и восходящих. Сущность ее заключается в совместном, общинном (коллективном) владении домашним скотом, землей, орудиями производства и иным хозяйственным имуществом и совместном его потреблении.

Экономическая и общественная сущность семейных общин, как справедливо отмечается в литературе, складывается из «коллективной собственности, коллективного производства и коллективного потребления»⁴.

В Узбекистане к концу XIX — началу XX в. большесемейный уклад пережиточного характера сохранился в наиболее изолированных, отдаленных районах Бухарского ханства⁵, куда входила и территория нынешних южных областей УзССР.

В этих областях нами также зафиксирован для того времени ряд случаев пережитков большесемейной общины. В дореволюционный период в разных местах данного региона она обозначалась различными терминами: в сел. Катаган Ульяновского района — «один котел» (бир козон), в сел. Гувалак Касанского района — «большой котел» (катта козон), в сел. Чайдари Яккабагского района — «дом отца» (ота уйи), в сел. Каучин Нишанского района — «большое хозяйство» (катта рузгор), в сел. Кургантепа Шахрисабзского района — «куча» (тода-туда) и т. д. Нами выявлен ряд существовавших в прошлом таких семей по Кашкадарьинской области: в сел. Майманаке — 19, в Камилане — 15, в Катагане — 24, в Касби — 9, в Капамесите — 9, в Уйрате — 4, в Ходжахайране — 6, в Байдокчи — 9, в Аргине — 3, в Каттакургане — 8, в Баташе — 5, в Каучине — 18, в Савлигаре — 16, в Зангтепе — 7

¹ Потапов Л. П. Материалы по семейно-родовому строю у узбеков-кунградов. — Научная мысль, Ташкент, 1930, № 1; Шапиев К. Ш. Узбеки-карлуки. Ташкент, 1964; Борозна Н. Г. К вопросу о формах семьи у полукочевых узбеков (На материалах узбеков-дурменов). — В кн.: Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана, М., 1978, с. 41—54.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 62.

³ В этнографической литературе семейные общины именовались различными терминами: «большая семья», «большая патриархальная семья», «нераздельная», или «неразделенная семья», «соединенная», «сложная», «сводная семья», «семейная и большесемейная община», «домовая или домашняя община». Наиболее удачны, по мнению М. О. Косвена, термины «семейная община» и «большая семья». См.: Косвен М. О. Семейная община и патронимия. М., 1963, с. 6.

⁴ Косвен М. О. Семейная община. — Советская этнография, 1948, № 3, с. 12.

⁵ Кисляков Н. А. Патриархально-феодалные отношения среди оседлого сельского населения Бухарского ханства в конце XIX — начале XX в. — Труды Института этнографии АН СССР, Новая серия, т. 74, М.—Л., 1962, с. 153.

и др. О былом существовании их нам подробно рассказали старейшие жители этих районов.

Большая патриархальная семья объединяет представителей нескольких поколений, ведущих свое происхождение от одного отца (бир ота болалари). В семейной общине «Кудрат тудаси» из рода чуют в сел. Кургантепа (Шахрисабзский район Кашкадарьинской области) в начале XX в. было 35 членов. В их хозяйстве имелись 450 голов овец, 30 — крупного рогатого скота, 4 верблюда, 2 табуна лошадей, 3 пары рабочих волов, 3 коня, 10 ослов, 30 танапов поливных земель (оби ер), 40 танапов богарных земель (лалми ер), маслобойка (жувоз) и т. д. Все необходимое для семьи покупал глава семьи Кудрат-бува, иногда выполнял эту работу старший сын Дустмурад.

Основным признаком большой семьи (туда) было ее экономическое единство. Члены семьи выполняли общие хозяйственные работы, но практически земля, скот, домашнее имущество и жилище принадлежали главе семьи.

Взрослые сыновья имели свои семьи, но фактически подчинялись отцу как в материальном, так и в духовном отношении. Все заработки членов семьи поступали в общую «семейную кассу», которой также распоряжался глава семьи, а ключи от сундуков находились у матери.

Каждый член семьи как мужского, так и женского пола выполнял в хозяйстве определенную работу. Мужчины в основном занимались земледелием, орошением, скотоводством, а женщины — домашним хозяйством, детьми, но иногда принимали участие и в сборе урожая, жали пшеницу, заготавливали клевер, косили траву. В свободное от сельхозработ время они занимались ткачеством, прядением шерсти, вышиванием и т. д.

Большая семья, существование которой было обусловлено преобладанием натурального хозяйства, почти целиком обеспечивала себя всеми видами продуктов, отчасти одеждой и различным инвентарем. Предметы домашнего обихода изготавливались по мере возможности ручным способом, силами членов семьи.

Количество членов в больших семьях было различным. Например, большие семьи у узбеков-карлуков Касанского района Кашкадарьинской области и Шурчинского района Сурхандарьинской области насчитывали до 25—30 и более членов⁶, у узбеков-дурменов Сурхандарьинской области — от 10 до 25 человек⁷.

По рассказам Ташбека Раимова из сел. Сайдабад Шерабадского района Сурхандарьинской области, в 1910 г. самой большой в данном селении считалась семья Юлибая, в которой совместно проживали 42 человека. Всеми доходами распоряжался сам Юлибай, который по своему усмотрению расходовал их для покупки одежды, инвентаря и др.

Постепенно наряду с общим семейным бюджетом у отдельных членов семьи накапливались и свои сбережения (в виде денег, ценных предметов), приобретенные их личным трудом вне семьи. Многие члены больших семей с поздней осени до ранней весны уходили на заработки. При этом часть доходов они обязаны были вносить в общий бюджет семьи.

Наш информатор Рахмат Джумаев из Хтайкишлака Мубарекского района Кашкадарьинской области рассказывал, что в их семье было около 35 человек. Сам он работал в доме крупного бая в кишлаке Хайтбай и ежегодно получал за это 200 танга и полный комплект одежды с питанием, причем 100 танга непременно отдавал своему отцу. В то же время в зажиточных семьях, особенно у торговцев, сыновья, участвуя в торговых операциях отца, получали некоторые возможности для собственного предпринимательства, дававшего им определенный самостоятельный капитал.

Частичное присвоение побочных доходов отдельными членами семьи повлияло на создание своей, «малосемейной» собственности. Кроме того, в собственность каждой малой семьи входило и приданное жены (сеп). Сеп постоянно пополнялся за счет подарков главы семьи и мужа, и жена сама распоряжалась этими вещами. Итак, в семейных общинах данного типа нарастало противоречие между общественным и частным присвоением.

Одним из основных атрибутов большесемейных общин был «маслахат» — семейный совет, на котором решались самые важные внутрисемейные вопросы. В нем участвовали, помимо главы семьи, все женатые сыновья, но решающее слово принадлежало главе семьи. Так обсуждались особо важные вопросы, как женитьба сына, внука, выдача девушек замуж, семейная помощь родственникам и др. Надо сказать, что вначале семьи делились лишь после смерти отца. Со временем, однако, разделы начали происходить сразу же после вступления в брак последнего сына. Этот вопрос решал совет старейшин — «маслахат».

В начале XX в. в сел. Улус (Сарнасский район Сурхандарьинской области) в большой семье Эшбекбая проживали 50 человек. Когда жена главы семьи умерла, внутренними делами стала распоряжаться ее дочь Гульбувайчица. Число членов семьи росло, и Эшбекбай решил разделить семью. Сначала он выделил младшего брата Халмирзу, а потом сыновей: Буривая, Джурабая, Акмирзу и Карабая, а сам остался жить со средним сыном Саманом.

⁶ Шаниязов К. Ш. Указ. соч., с. 137.

⁷ Борозна Н. Г. К вопросу о формах семьи у полукочевых узбеков (На материалах узбеков-дурменов). — В кн.: Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана, М., 1978, с. 45.

Если отец по той или иной причине выделял из общего хозяйства одного из сыновей, то скот он распределял по собственному усмотрению. Обычно, если все обходилось мирно, отец давал сыну 4—5 баранов, но мог вообще ничего не дать, и сын не имел права жаловаться на отца даже асакалам.

В сел. Ходжахайран (Ульяновский район Кашкадарьинской области) в 1914 г. в большой семье Халмирзабува проживали четверо сыновей: Насрулла, Назрулла, Араббай и Чари. Халмирзабуви посоветовавшись со старейшинами своего топа, решил разделить семью. Насрулле, Назрулле и Араббаю он выделил некоторое количество скота и инвентаря, а сам остался жить с младшим сыном Чари.

В случае смерти главы семьи мать-вдова могла по своему желанию присоединиться к любому сыну; как правило, она оставалась с младшим. Таким образом, младший сын был основным наследником отца, и вся утварь как олицетворенне домашнего очага доставалась ему, остальные сыновья не могли претендовать на какие-либо предметы домашней утвари.

Выделившиеся из больших семей жили и вели хозяйство раздельно, но поддерживали между собой самые тесные контакты, помогая друг другу, совместно участвуя в отправлении различных обрядов, традиций и др. Например, тело умершей женщины, отданной замуж в чужую семью, перевозили на то кладбище, где была похоронена ее мать. Так, кладбищем, на котором хоронили членов семьи Джура-бува, из кишлака Катаган (Касанский район), было «аулия», или Тура мачит-бува. Женщин из семьи Джура-бува хоронили только на этом кладбище, а женщин, взятых из чужих семейств, как правило, хоронили на «аулия» их матерей. В Тура мачит-бува мы видели места и границы захоронения отдельных групп родственных семей.

После смерти Джура-бува семью возглавил младший сын Байназар. Все семейные доходы поступали к нему. Злоупотребляя своими функциями, он не давал пользоваться ими другим членам семьи, а в конце концов ушел в Мекку, забрав с собой «семейную кассу». В результате большая семья постепенно распалась, разделившись на несколько малосемейных очагов.

Процесс разложения большой семьи стал особенно интенсивным с проникновением и развитием среди сельского населения изучаемого региона товарно-денежных отношений, формированием частной собственности⁸. Проникновение капитализма в экономику колониальной Средней Азии вело к разложению натурального хозяйства, разрушению патриархальной замкнутости. Как отмечал К. Маркс, капиталистические отношения разрушили вместе с феодальным базисом и его старые семейные отношения — патриархальную семью⁹. В. И. Ленин на конкретных примерах убедительно показал, как российский капитализм втягивал окраины страны в мировое товарное обращение, инвентаризовал местные особенности — остатки старинной патриархальной замкнутости¹⁰.

Все это наглядно видно на материалах изучаемого региона. Правда, вследствие изолированности степных районов от внешнего мира и общей социально-экономической отсталости Бухарского ханства процесс разложения большой семьи в исследуемом регионе шел гораздо медленнее, чем в других районах Узбекистана. Но и здесь постепенно происходило изживание большесемейных общин.

Процесс этот завершился после победы Великого Октября, когда в условиях социалистического строительства патриархальные традиции стали интенсивно уходить в прошлое, и в качестве основной формы узбекской семьи прочно утвердилась малая индивидуальная семья, типичная для всех народов СССР.

А. Буриев

⁸ См.: Кисляков Н. А. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1969, с. 46.

⁹ Маркс К. Капитал. Т. I. М., 1975, с. 500—501.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 594—595.

К ИСТОРИИ РУССКО-БУХАРСКИХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

(Первое посольство Ирназара Максютова в Россию)

В истории русско-бухарских экономических и политических отношений второй половины XVIII в. особый интерес вызывают посольства Ирназара Максютова в Россию. Это обусловлено прежде всего тем, что они способствовали возобновлению после значительного перерыва дипломатических отношений, дальнейшему развитию торговых связей между обеими странами. Вызывает интерес и личность самого посла, который, будучи образованным и умным человеком, проявил себя активным сторонником сближения Бухары с ее могучим северным соседом.

Достоверно известно, что до выполнения дипломатических поручений муллы П. Максютов неоднократно посещал Россию с торговыми целями и оказывал различные услуги императорскому двору.

Первые сведения о его посольстве содержатся в донесении астраханского губернатора П. И. Кречетникова в коллегии иностранных дел. Губернатор писал, что получил из Мангышлака от муллы И. Максютова письмо от 15 июля 1774 г., которым тот извещал, что направляется во главе бухарского посольства в Россию и просил выслать для него судно.

Посольство прибыло в Астрахань 1 сентября. В грамоте, обращенной к представителям русского правительства, говорилось, что бухарский подданный И. Максютов направляется в Россию послом «для пользы и установления купеческих проездов между двух областей, великороссийскою и нашею»¹, и содержалась просьба оказывать ему всяческое содействие.

9 сентября Максютов был вызван к губернатору для выяснения целей его посольства. Посол разъяснил, что «отправление его к высочайшему двору состоит в утверждении с обеих сторон доброго дружества и для распространения купечества». Максютов имел также дополнительные поручения, «которые поручено ему, мулле, при высочайшем дворе словесно донести и о чем он преждевременно открыть не может»². В связи с важностью своей миссии бухарский посол просил губернатора быстрее отправить его в Петербург.

Здесь же посол представил властям список прибывших с ним лиц и реестр подарков к императорскому двору. Из этих документов видно, что в составе посольства было 64 человека, не считая 20 выкупленных русских пленных. Кроме многочисленных подарков, посол привез в Россию различные восточные товары общим весом более 40 т.

В Астрахани Максютов вел и торговые дела; так, он купил у казны 708 пудов стали и свинца и отправил их со своими людьми в Бухару.

В рескрипте на представление астраханского генерал-губернатора от 30 октября 1774 г. было указано, чтобы «посол отправлен был с пристойным по прежним примерам снабжением в рассуждении подвод и кормовых денег»³. При этом Екатерина II именным указом повелела «пропустить сего бухарца, не брать с него пошлин»⁴. Выехав из Астрахани в сопровождении конвоя местного гарнизона под командованием дорожных приставов капитана Павлова и поручика Щедякова, бухарское посольство достигло Москвы 14 марта 1775 г., где было принято с почетом и уважением.

Бухарский посланник был уведомлен коллегией иностранных дел, что вскоре будет принят канцлером Н. И. Паниным. Прием состоялся 27 марта 1775 г. в доме канцлера.

Посол «по учинении пристойного поклона подал его сиятельству присланные с ним от хана своего грамоты»⁵. Во время приема он «во-перед просил о представлении сго, посланца, перед ее императорское величество, а потом вел другие разговоры и будучи с сыном и чиновниками своими потчеван кофеем и конфетами, откланялся и возвратился в свою квартиру вышеописанным же порядком»⁶.

5 апреля просьба И. Максютова была удовлетворена, и он был представлен Екатерине II, наследнику Павлу и великой княгине.

Посол передал русскому правительству две грамоты бухарского хана Абдулгази. В первой из них, после обычного перечисления титулов Екатерины II, бухарский хан выражал стремление развивать и далее взаимовыгодные торговые связи с Россией. Затем он сообщал императрице о разграблении бухарских караванов под Оренбургом казахами, присоединившимися к восстанию Е. Пугачева, и просил ее об удовлетворении бухарских купцов — «необходимым находим представить о возвращении похищенного теми казахами имущества кому оно принадлежит»⁷, — писал хан.

Далее хан рекомендует императрице бухарского посла И. Максютова как своего доверенного вельможу и просит верить его устным заявлениям и предложениям: «О чем по взеренной от нас комиссии словесно предлагать будет, в том ему благоволено было бы верить»⁸.

Что касается устных предложений, то они заключались в следующем. Посол просил удовлетворить просьбу бухарских подданных, живших в Оренбурге. Отметив важное значение торговли во взаимоотношениях между Бухарой и Россией, он предложил русскому правительству осуществить ряд мер для ее укрепления и развития. Так, он говорил о необходимости обезопасить пути в Оренбург и на полуостров Мангышлак от нападений казахов Нурали-хана и туркмен Пирали-султана. С этой целью посол указал на желательность постройки русской крепости на р. Эмбе, где могли бы в случае опасности укрываться торговые караваны.

Наконец, бухарский посланник просил уменьшить торговые пошлины в приграничных городах России — Оренбурге, Астрахани и др.

Таким образом, цели этого посольства были гораздо шире, чем указано в известной работе С. В. Жуковского⁹.

Во второй грамоте бухарский хан поздравил наследника Павла с бракосочетанием¹⁰.

¹ АВПР, ф. Сношения России с Бухарой, 1774—1777, оп. 109/II, д. 1, л. 23.

² Там же, л. 19.

³ Там же, д. 2, л. 54.

⁴ Там же, д. 1, л. 79.

⁵ Там же, д. 2, л. 40 об.

⁶ Там же, д. 1, л. 41.

⁷ Там же, д. 2, л. 31.

⁸ Там же, л. 32.

⁹ Жуковский С. В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. — Труды Общества русских ориенталистов, № 2, Пг., 1915, с. 88.

¹⁰ АВПР, ф. Сношения России с Бухарой, 1774—1777, оп. 109/II, д. 2, л. 23—24.

Надо сказать, что во время встреч с государственными деятелями России И. Максюттов произвел на них весьма благоприятное впечатление своим умом и сдержанностью¹¹.

Предложения И. Максюттова, в сущности нацеленные на укрепление позиций России в казахских жузах, настолько заинтересовали русское правительство, что оно сочло необходимым специально рассмотреть их на одном из заседаний императорского совета¹².

Последний официальный визит И. Максюттова к канцлеру Н. И. Панину состоялся 15 января 1776 г. Ему были вручены императорская грамота бухарскому хану, письмом канцлера Панина на имя хана, содержащее ответы русского правительства на предложения и просьбы посольства, а также подарки хану и самому послу.

Грамота заверяла бухарского хана в дружественном отношении России к Бухаре, причем отмечалось, что И. Максюттов не только имел свободный доступ к императорскому двору, но и «листы ваши и собственно поданные им прошения удостоились монаршего внимания»¹³.

Подробный ответ на предложения Бухары содержался в письме канцлера, в котором давалось согласие на положительное решение почти всех вопросов, выдвинутых в грамотах и просьбах бухарского хана и направленных на улучшение торгово-экономических связей России и Бухарского ханства.

Русское правительство высоко оценило услуги бухарского посла. Кроме многочисленных подарков, ему был пожалован «один казенный корабль из находящихся на Каспийском море для распространения торговли в границах Всероссийской империи и дозволялось ему там же торговать на 10 тысяч рублей беспошлинно в течение пятилетнего времени»¹⁴.

Екатерина II пожаловала послу большую сумму денег для строительства медресе в Бухаре. Известно как медресе Ирназара Максюттова, или медресе посла, оно сохранилось до наших дней¹⁵.

Таким образом, цели посольства И. Максюттова нельзя сводить лишь к удовлетворению просьб ограбленных бухарских купцов, как это сделано было в работах Жуковского¹⁶ и Яковлева¹⁷. Более того, это посольство, преследовавшее, казалось бы, чисто торговые цели, имело важное политическое значение во взаимоотношениях между Россией и Бухарой. Последняя впервые признавала юрисдикцию русского правительства над казахскими жузами: «Казахи из числа подданных вашего высочайшего двора», — писал Екатерине II бухарский хан¹⁸.

Посольство Ирназара Максюттова, осуществленное после длительного перерыва в дипломатических отношениях между Бухарой и Россией, можно считать весьма успешным, ибо оно сыграло полезную роль в укреплении доверия между обоими государствами и продемонстрировало их обоюдное стремление к развитию взаимовыгодных экономических и политических связей.

Х. Г. Гуламов

¹¹ Там же, д. 1, л. 40.

¹² Там же, д. 4, л. 57—58.

¹³ Там же, д. 2, л. 36.

¹⁴ Там же, д. 3, л. 132—133.

¹⁵ История Бухары с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1976, с. 151.

¹⁶ Жуковский С. В. Указ. соч., с. 88—89.

¹⁷ Яковлев. Мулла Ирназар Максюттов, посланник бухарский. — Сибирский вестник, 1824, ч. 1, с. 7.

¹⁸ АВПр. ф. Сношения России с Бухарой, 1774—1777, оп. 109/11, д. 2, л. 31.

НОВОЕ В НАУКЕ: ПОИСКИ, ОТКРЫТИЯ, НАХОДКИ

УНИКАЛЬНАЯ ЧАША ИЗ ШУРОБ-КУРГАНА

В Сурхандарьинской области УзССР, близ кишлака Шуроб-Курган, есть остатки небольшого средневекового населенного пункта. Здесь в 1983 г. во время земляных работ, связанных с ирригационным строительством, были извлечены черепки средневековой посуды, в том числе интересной чаши с росписью на внутренней поверхности. Она была передана сотрудникам Узбекстанской искусствоведческой экспедиции, уже третий год ведущим раскопки на расположенном в 3 км от Шуроб-Кургана кушанском городище Кампыртепа.

Чашу удалось собрать почти полностью. Форма ее округлая внизу и плавно-спрямляющаяся кверху (диаметр — 20,8 см, высота — 8,3 см). Имеется невысокий плоский поддон (д = 10,4 см, вдвое меньше диаметра резервуара). Черепок светложелтый, покрыт белым ангобом, поверх которого сплошную внутри и лишь по борту снаружи нанесена мутноватая щелочная глазурь. Снаружи вдоль борта следуют выполненные лиловато-черной краской косые штрихи; внутри вся поверхность заполнена росписью.

Контуры изображений и орнаментов, а также некоторые образительные детали выполнены лиловато-черной краской, расцветка осуществлена желтой и зеленой, при участии светлых резервов неокрашенного фона. По краю следует круговое окаймление с шилообразным орнаментом и в этот круг на фоне косой сетки квад-

ратиков (зеленых, желтых и светлых с четырьмя точками) вписано вертикально-осевое изображение: в пятифестончатой арке восседает со скрещенными по-восточному ногами юноша. Лицо его передано в небольшом обороте, фигура фронтальна. Лицо полуовальное. Взгляд юноши обращен вверх, что передано положением зрачков и оттянутой к виску линией. Брови изогнуты и также отчеркнуты к виску; линия носа чуть скошена; рот крошечный; на левой щеке родинка. Одет он в облегающий до талии и расширяющийся книзу кафтан, запахнутый слева направо, с округлым воротом. Ткань его желтая, в косую черную со штрихами полоску; по запаху и внизу кафтан обрамлен зеленой каймой. Левая рука согнута в локте, правая (не очень четкая) прижата к плечу. Юноша восседает на коврике в мелкую сетку с широкой, орнаментированной посредине ромбом полосой. Не совсем понятна обрамляющая его голову и плечи, спускаясь почти вертикально вниз, широкая, черная с белыми поперечными полосами. Что это — условно переданный шарф или спинка сидения, обрамляющая фигуру? Над верхним фестоном арки — две раскнутые желтые полосы; между ними — орнамент наподобие пары рогов с каплевидным бутонем.

Оригинальная чаша из Шуроб-Кургана представляет большой художественный и историко-культурный интерес. Каково ее происхождение?

В средневековой керамике Мавераннахра аналогий она не имеет. Хотя одиночные фрагменты чаш или блюд с изображением человеческого лица и найдены на Афраснабе (их датируют XI—XIII вв.)¹, трактовка их совершенно отлична от шуробкурганской, отличны также глазурь, окраска и фон. Вместе с тем прямые аналогии гамме росписей, типу щелочной глазури, орнаментальным деталям дает керамика из Мерва и Нисы, т. е. Восточного Хорасана, где она датируется IX—X вв. На одном черепке из Мерва сохранились лица двух персонажей с совершенно идентичной трактовкой глаз и бровей². По технологическим признакам, красочной гамме и мотивам близкие параллели дает керамика X в. из другого крупного восточнорасанского города — Нишапура (в современном Иране). Здесь также широко распространены клеточные и мелкосетчатые записанные фонов³, встречается тот же, что и на нашей чаше, венчающий орнаментальный мотив⁴. И, наконец, здесь обнаружено несколько чаш или фрагментов их с изображением людей на композиционной оси сосуда⁵. Некоторые из них — в сходного покроя одеяниях⁶. Однако черты лица, в частности передача глаз и бровей, да и овал лица — отличны.

¹ Шишкина Г. А. Глазурованная керамика Согда (вторая половина VIII — начало XIII вв.). Ташкент, 1979, табл. LXXV.

² Массон М. Е. Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) 1947 г. — Труды ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1951, рис. 43.

³ Wilkinson Ch. K. Nishapur: Pottery of the Early Islamic Period. New York, s. a., tabl. 30—39.

⁴ Там же, табл. 34, 35.

⁵ Там же, табл. 44, 45, 47, 48, цветные табл. 2, 6.

⁶ Там же, табл. 44, 48.

Судя по всему, шуробкурганская чаша была привезена из Мерва, где в рассматриваемый период было исключительно высоко развито керамическое ремесло и функционировал огромный квартал гончарного производства. На территории нынешней Сурхандарьинской области керамика данного типа не изготовлялась.

Что касается самого изображения на чаше, то оно представляет переживание мотива, широко распространенного в домусульманском искусстве Среднего Востока, где в живописи, резном дереве и художественном металле было популярно изображение восседающего монарха либо принца в сценах парадного представительства или пиршества — в первом случае в окружении придворных, во втором — слуг, кравчего, музыкантов. Темы эти в XII—XIII вв. получают широкое распространение в люстровой керамике Ирана⁷, но промежуточное звено как раз и дает восточнохорасанская керамика X в.

Г. А. Пугаченкова

⁷ Лунина С. Б. Гончарное производство в Мерве X — начала XIII вв. — Труды ЮТАКЭ, т. XI, Ашхабад, 1962.

КУЗНЕЧНО-СЛЕСАРНЫЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ СО СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДИЩА АХСИКЕТ

Изделия средневековых металлостов Средней Азии доходят до археологов в сильно корродированном виде из-за обильной засоленности местных лёссов¹. Окалина в лучшем случае составляет 82—88%. Находки редки, а иногда столь фрагментарны и корродированы, что не представляется возможным определить их былое функциональное назначение. Эти же причины полностью исключают металлографический анализ, важный для определения уровня техники и технологии металлообработки производящего производства.

Накапливаемые со временем небольшие коллекции железных предметов с определенных среднеазиатских памятников исследуются археологами морфологически — форма, внешняя конструкция, функциональное назначение. Делается попытка составления хронологической классификации. Но выяснить, из какого материала состоит предмет (железо, сталь, чугун), археологи обычно не могут.

В этой связи огромный интерес вызвали два металлических предмета, обнаруженных на городище Ахсикет (Северная Фергана), сохранность которых, вероятно в результате благоприятных условий залегания в слое, оказалась настолько хорошей, что позволила провести металлографическое исследование их химического состава, макро- и микроструктуры, величины зерна, неметаллических включений, макро- и микротвердости.

Надо сказать, что наличие на городище больших отвалов тиглей, связанных с металлургией железа, свидетельствует о развитой местной металлообработке и включает импорт рассматриваемых предметов.

Исследование находок проведено в металлографической лаборатории одного из заводов г. Горький инженером-исследователем З. А. Кондаковой под руководством начальника объединенной лаборатории исследовательских работ И. Л. Хейфеца.

Такой анализ археологического предмета, изготовленного из черного металла в Средней Азии, проводится впервые. Поэтому анализ уровня техники и технологии металлообработки средневековых мастеров Ахсикета будет дан в сопоставлении с материалами Древней Руси и Западной Европы, где этот вопрос изучен достаточно хорошо.

Первый предмет — кузнечные малые одноручные клещи, применявшиеся для поковки изделий среднего и небольшого размера (рис. 1). Общая длина их — 15,5 см. Овальные губы плотно ложатся друг на друга, закраины вытянуты в разные стороны, что увеличивало площадь захвата рабочего изделия. Обе половины клещей соединены шарниром со шляпками диаметром 2 см. Сохранилась одна ручка длиной 12 см.

Клещи обнаружены в заполнении одного из помещений казарм на цитадели городища, связанных с последним этапом жизни крепости (начало XIII в.). Однако сами клещи мы склонны датировать гораздо шире — периодом X — начала XIII в., ибо помещения казарм были вырублены в нижележащих, более ранних по времени напластованиях связанных со стеклоделательным, а возможно, и с кузнечным производствами. Изделие могло попасть в заполнение помещения при его разрушении, из стен. Если учесть, что металлургическими изделиями тогда очень дорожили, особенно если это было качественное оружие или инструмент, которые передавались из поколения в поколение, то такая датировка вполне обоснованна.

Металлографический анализ изделия показал, что в его химическом составе присутствуют: углерод — 0,09%, марганец — 0,43%, фосфор — 0,035%, сера — 0,038%. Значит, клещи изготовлены из качественной углеродистой стали и соответствуют современной марке 10 КП (кипящая сталь) конструкционной стали по ГОСТ 1050-74 г.

Макроструктура плотная, с наличием общей пятнистой ликвиции, балл 1, шкала 3, ГОСТ 10243-75 г. Сталь по методам испытаний и оценке макроструктуры отвечает требованиям ГОСТ 1050-74 г.

Микроструктура стали — феррит плюс сорбитообразный перлит, расположенный по границам зерен, что также отвечает нормам на микроструктуру стали 10 КП.

¹ Распопова В. И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л., 1980, с. 4.

Величина зерна № 7—8 ГОСТ 5639-65 г., шкала 1. Зерна равноостные и равномерные.

Неметаллические включения: силикаты — балл 5 ГОСТ 1778-70 г., оксиды — балл 4 ГОСТ 1778-70 г. — свидетельствуют о значительной засоренности стали.

Твердость по шкале Роквелла, определенная на сопротивление вдавлению шарика из закаленной стали (HRB), весьма равномерная — 73—76.

Таким образом, кузнечные клещи изготовлены из кипящей углеродистой стали. При поковке изделия была применена термическая обработка — закалка. Медленное остывание придало предмету необходимые пластичность и вязкость.

Второй предмет — напильник — один из наиболее специализированных инструментов по обработке холодного металла.

Внешняя, рабочая поверхность изделия сильно расслоилась (коррозировалась) и разбухла до 1—1,4 см толщины. Внутренняя, в виде полотна длиной 22 см с черенком для рукоятки (1 см) на одном конце, сохранилась очень хорошо. Произошло это потому, что напильник был изготовлен из двух видов стали, сваренных в единый пакет, и при соприкосновении с засоленной средой внешняя часть предмета сохранила сердцевину. Полотно напильника прямоугольное в сечении, шириной 2—3 см и толщиной 0,5 см. Рабочая поверхность покрыта перекрестной насечкой, выполненной вручную. Линии перекрестия расположены через 1 мм. Зуб ромбовидный, с тупым углом 120° и острым — 60°.

Напильник найден в восточном рабаде городища, под основанием останца фортификационной стены и по сопутствующему археологическому материалу датирован X—XI вв.

Металлографическому анализу была подвергнута хорошо сохранившаяся сердцевина напильника. В химическом составе присутствуют: углерод — 0,39%, марганец — 0,78%, кремний — 0,20%, фосфор — 0,35%, сера — 0,31%, хром — 0,20%. Таким образом, внутренняя часть изготовлена из среднеуглеродистой стали, которая соответствует современной марке 40 среднеуглеродистой конструкционной стали по ГОСТ 1050-74 г.

Макроструктура плотная, однородная, без дефектов, ГОСТ 10243-75 г.

Микроструктура стали — крупногольчатый троостомартенсит. Балл итлы 8—9, ГОСТ 8233-56 г., шкала 3. Крупногольчатая структура свидетельствует о высокой температуре нагрева под закалку (выше 900°C).

Неметаллические включения: сульфиды — балл 4, оксиды — балл 3—4 по ГОСТ 1778-70 г. — говорят о значительной засоренности стали.

Микротвердость при нагрузке 50 г, длине диагонали 48—50 мкм — 447—412 кг/мм².

Микротвердость по шкале Роквелла, определенная на сопротивление вдавлению алмазного конуса (HRC), весьма равномерна — 50—54.

Технология изготовления стального напильника состояла из четырех операций: отковки полотна с черенком, обточки поверхностей, насечки зубьев и термической обработки. Б. А. Колчин приводит описание изготовления напильников из трактата Теофила (X—XI вв.): «Тяжелые и средние напильники изготавливаются из однородной стали. Они бывают четырехгранные, трехгранные и круглые. Делают еще и другие, более тяжелые напильники. Тогда они должны быть сделаны внутри из мягкого железа, а снаружи покрыты сталью. После того как напильники соответствующих размеров изготовлены мастером, они выравниваются на кругу, а потом насекаются посредством заостренного с обеих сторон молотка. Другие напильники насекаются зубилом... После опробования напильника ударами производят закалку»².

Длина полотна древнерусских напильников³ — от 6,8 до 13,5 см, а ахикетско-го — 22 см. Видимо, это, если учесть выдержки из приведенного выше трактата

² Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси. — МИА, № 32., М., 1953, с. 67; Theobald W. Technik des Kunsthandwerks in zehnten Jahrhundert. Berlin, 1933, S. 71.

³ Колчин Б. А. Черная металлургия..., с. 66.

Теофила о тяжелых напильниках, и повлияло на применение технологии сварочного пакета. Причем сердцевина предмета, по структуре троосгомартенсит, предполагает структуру внешней рабочей поверхности — мартенсит. Вследствие искаженности решетки и больших внутренних напряжений мартенситу свойственна очень высокая твердость, до 65 ед. по Роквеллу (определенная на сопротивлении алмазному конусу), что сообщает ему такие особо ценные свойства, как режущая способность и высокая износостойкость. Структуру мартенсита на заводах в наши дни придают режущим инструментам — резцам, сверлам, напильникам⁴.

Изучение истории напильника по древнерусскому и западноевропейскому материалам наглядно показало связь формы инструмента с достижениями техники средневековых мастеров и узкую специализацию ремесленников. Пока напильник оставался одним из рядовых инструментов кузнеца, имеющего широкий профиль специализации, и применялся не часто, он имел однорядную насечку, прямую или косую. По мере специализации отдельных ремесленников однорядная насечка изжила себя, ибо поверхность обрабатываемого предмета очень долго и плохо выравнивалась⁵. Введение перекрестной насечки намного облегчило работу и усовершенствовало инструмент настолько, что он принял конструктивную форму, сохранившуюся до наших дней.

Такая конструктивно усовершенствованная форма напильника по материалам Западной Европы появляется в конце XIV в.⁶, в Древней Руси в XII в.⁷, а на Ахсикете, судя по сопутствующему материалу в месте нахождения предмета, — в X—XI вв.

Как показало металлографическое исследование, основным материалом поковок кузнечных клещей и напильника с городища Ахсикет была углеродистая сталь, отличающаяся равномерностью строения. Значительный процент неметаллических включений предполагает сыровую сталь. Кроме исходного материала, о качестве обработки металла средневековыми мастерами свидетельствует владение ими основными приемами пластической деформации металла в горячем состоянии: вытяжка, рубка и обрезка, пробивка, обточка, сварка. Трудность этих операций — в необходимости соблюдения определенных температурных режимов, оптимальные параметры которых устанавливались ремесленниками эмпирическим путем. О мастерстве и опыте ахсикетских мастеров говорит уже то, что ковать изделие можно лишь в узком температурном интервале, иначе механические свойства поковок резко снижаются⁸. Сварные изделия мог ковать только кузнец высокой квалификации.

Придание инструменту прекрасной режущей способности достигалось в средние века цементацией рабочей поверхности или всего изделия. Но это очень длительный, трудоемкий, а следовательно, дорогостоящий процесс. Цементированный слой в 2 мм образуется в течение 12 часов⁹. Сварка же нескольких видов стали не только ускоряет изготовление предмета, но и снижает его стоимость.

Твердость стали, содержащей около 0,4% углерода, можно значительно повысить закалкой. Ахсикетские мастера владели техникой резкой закалки в холодной воде, обеспечивающей наибольшую твердость стали и создающей структуру мартенсита (напильник), а также техникой закалки в мягкой среде, позволяющей получать вязкую, но достаточно твердую структуру сорбита (кузнечные клещи).

Изготовление кузнечных клещей и напильника предполагает наличие определенного ассортимента орудий труда — кузнечный молоток, наковальня, точильные круги и бруски, зубила и т. д. В целом они составляют довольно разнообразный кузнечно-слесарный инструмент, важными компонентами которого были клещи и напильники. Все это указывает на высокий уровень металлообработки в средневековом Ахсикете.

Сравнительный анализ имеющихся материалов позволяет предполагать специализацию ахсикетских мастеров X — начале XIII в. на производстве отдельных видов продукции, как это было в Западной Европе и Древней Руси того времени. На основании исследованных предметов намечаются три группы мастеров: кузнецы-универсалы, инструментальщики, слесаря. О специализации кузнечного дела в Средней Азии есть также сведения средневековых авторов, которые в той или иной связи упоминают различные исторические лица по их прозваниям. В «Асрар ат-таухид», например, упоминаются кольчужник (заррад), ножевщик (кардагар) наряду с кузнецами (ахангар, хаддад)¹⁰.

Вместе с тем существовала и региональная специализация. Среди товаров, вывозимых из Шаша, упоминаются ножницы и иголки, из Самарканда — стремяна и уздечки, из Хорезма — цилиндрические замки и ключи к ним, из Ферганы — оружие и инструментарий¹¹. Вся эта продукция специализированного ремесла хорошо известна по археологическим находкам в Средней Азии.

⁴ Металловедение. М., 1970, с. 124.

⁵ Колчин Б. А. Черная металлургия..., с. 69.

⁶ Dick O. Die Feile und ihre Entwicklungsgeschichte. 1925; Колчин Б. А. Черная металлургия..., с. 69.

⁷ Колчин Б. А. Черная металлургия..., с. 69.

⁸ Толмачева М. М. Технология кузнечного ремесла Старой Рязани. — Советская археология, 1983, № 1, с. 256.

⁹ Pleiner R. Stare evropske kovarstvi. Praha, 1961, s. 251.

¹⁰ Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973, с. 286.

¹¹ Там же.

К их числу относятся и описываемые нами интереснейшие образцы кузнечно-слесарного инструментария мастеров средневекового Ахсикета.

О. А. Папахристу

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

О ФОРМАХ И РОЛИ РОСТОВЩИЧЕСТВА В ХИВИНСКОМ ХАНСТВЕ КОНЦА XIX ВЕКА

(По документам из собрания ИВ АН УзССР)

В социально-экономической жизни Хивинского ханства конца XIX — начала XX в. огромную роль играло ростовщичество, которое, как свидетельствуют документальные источники, проникло во все сферы хозяйства, оказывая пагубное влияние на экономику и усиливая социальное расслоение населения страны. В данной статье рассматривается не традиционная форма ростовщичества, которой обычно занимались ростовщики-немусульмане, а та форма ростовщичества, где действовали ростовщики-мусульмане.

Как известно, ростовщичество запрещено Кораном, на практике же с помощью разных ухищрений этот запрет обходили уже в далеком прошлом. Крючковторы-законоведы выработали такие типы документов, в которых ростовщический процент либо вовсе не упоминался и ссуда в них выглядела беспроцентной, либо процент был замаскирован под какую-либо уловку (плата за услугу, цена какой-то недорогой вещи, арендная плата и т. д.).

В первом случае сделка оформлялась через документы долговых расписок и залоговые. Так, по сведениям О. Шкапского, полученным в результате опроса хивинских казиев, в конце XIX в. в долговых расписках указывалась не сумма полученной от ростовщика ссуды, а сумма с наросшими процентами¹, что подтверждается и изучаемыми нами документами. Подобный тип сделки отражали и залоговые документы, которые отличались от долговых расписок тем, что в них должник брал деньги под залог недвижимого имущества, что оформлялось как дозволенная (джа'из), т. е. фиктивная продажа. Хотя в тексте документа о залоге не упоминается, на самом деле он был таковым, на что указывают данные из сборника образцов казийской документации, составленного, очевидно, в практических целях, где подобная сделка озаглавлена следующим образом: «[Образец составления] залогового документа способом дозволенной продажи»².

Во втором случае наблюдается изобилие разнообразных вариаций. Например, в среднеазиатских ханствах в XVI—XX вв. ростовщик предоставлял займы определенной суммы, получивший же долг передавал на хранение займодателю тот или иной предмет (Коран, нож, чапан и т. д.) и заявлял, что за хранение вещей он будет уплачивать определенную сумму, что означало завуалированную форму ростовщического процента. Такая же форма взимания процентов в несколько ином варианте применялась в Азербайджане и других областях Сефевидского государства в XVII в.³ Ростовщическая ссуда могла выдаваться и под залог фиктивно проданного недвижимого имущества, с той лишь разницей от залоговых, применяемых в первом случае, что в этой сделке ростовщический процент завуалирован под арендную плату.

Все эти разновидности документов применялись в Средней Азии при совершении ростовщических операций на протяжении XVI — начала XX в., причем в количественном отношении существенных различий между ними долгое время не наблюдалось. Положение меняется с последней четверти XIX в., когда превалирующими стали: в сделках со скрытыми процентами — долговые расписки (хат-и мадйун), в сделках с замаскированными процентами — залоговые документы, фиксируемые как дозволенная продажа (бай-и джа'из) с процентами под видом арендной платы.

Анализ показывает, что из общего количества около 20 тыс. документов, сохранившихся в четырех казийских книгах, 15% составляют долговые расписки, а более 70% — документы дозволенной продажи⁴ (бай-и джа'из), что свидетельствует о глубоком проникновении ростовщичества в экономику ханства. Ввиду исключительной распространенности данного типа документов остановимся на них более подробно.

Документы о дозволенной продаже до сих пор не подвергались специальному исследованию. В изданных документах по Бухарскому ханству, более изученных, чем документы, относящиеся к истории Кокандского и Хивинского ханств, отсутствуют, за незначительными исключениями, документы о дозволенной продаже (бай-и

¹ Шкапский О. Аму-Дарьинские кулаки перед судом шарната и казиев. — Аму-Дарьинские очерки, Ташкент, 1900, с. 244.

² Васок намуналари, ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 7799, л. 19.

³ Гейдаров М. Х. О роли и особенностях ростовщичества в Азербайджане и сопредельных странах мусульманского Востока в XIII—XVII вв. — Ближний и Средний Восток. Товарно-денежные отношения при феодализме, М., 1980, с. 52.

⁴ Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 9490—9493.

джа'из). Не задаваясь целью специальной разработки их, Р. Р. Фитрат и Б. С. Сергеев приводят несколько образцов сделок бай-и джа'из, отмечая в примечаниях, что это — закладные документы⁵. О бай-и джа'из как закладных упоминает и О. Д. Чехович⁶. В числе других документов приводятся и переводы сделок бай-и джа'из в изданных недавно самаркандских документах из сборника «Мажмуа-йи васа'ик» XVI в.⁷ На документы типа бай-и джа'из обращали внимание О. Шкапский, Ф. И. Рубинштейн и М. Ю. Юлдашев. Так, в руках О. Шкапского оказался один документ дозволенной продажи, перевод которого он приводит в своей работе, и на основе опроса хивинских казиев определяет его как залоговый документ⁸. Рассматривая документ и сведения казиев о способе составления залоговых, с точки зрения мусульманского права, Шкапский подвергает критике практику составления подобных сделок как нарушение предписаний шариата. В одной из работ М. Ю. Юлдашева приведен перевод четырех документов дозволенной продажи⁹, из которых усматривается кабальная зависимость дехкан от феодала.

В закладных ростовщических операциях, осуществляемых через сделку бай-и джа'из изощренность мусульманской казуистики проявляется в том, что примененный здесь термин джа'из (дозволенное) можно истолковать как дозволенность получения роста, более того, дозволенность совмещения в одной сделке двух актов — продажи и аренды, подчеркивание характера неокончательной продажи и возможности обратного выкупа имущества. В некоторых документах указывается, что после возвращения взятой суммы имущество будет возвращено владельцу. Однако в большинстве сделок это условие отсутствовало, что, конечно, было выгодно ростовщику, ибо если взявшее долг лицо хотело выкупить землю, то ростовщик, юридически будучи владельцем имущества, продавал должнику его же собственность, причем намного дороже выданной под залог суммы.

Производились закладные сделки следующим образом. Некто продавал свое недвижимое имущество (торговую лавку или мастерскую, дом с двором, худжру, а большей частью — землю) кому-либо за определенную цену. В документах приводились сведения, характеризующие сам объект и его границы. Далее указывалось, что продавшее лицо вновь взяло ранее проданное свое имущество в аренду у покупателя с выплатой арендной платы в определенные сроки. В этой ростовщической сделке, завуалированной под фиктивную продажу, ростовщик выступал в роли покупателя, а должник — в роли продавца своего фактически заложенного имущества. Кредит в сделке изображался как цена имущества, а запрещенный шариатом ростовщический процент — как арендная плата. Срок возврата должником кредита в сделке не указывался, а сроки платежа процентов под видом арендной платы устанавливались большей частью в один год, а также в шесть или три месяца, реже — четыре или один месяц¹⁰.

Рост с кредита составлял обычно 10—20%. Таких же процентов казии, очевидно, стремились придерживаться и в долговых расписках¹¹. В размере установленного ростовщического процента видно стремление мусульманских законовевдов подогнать ростовщические операции под рамки шариата, ибо указанный размер процента соответствовал законной прибыли от торговли, поощряемой и допускаемой мусульманской юрисдикцией. Поэтому он выглядел как бы законным и незначительным. Однако в долговых расписках и залоговых совершенная скрытность процента позволяла увеличить его до неограниченных размеров. В закладных же сделках, помимо официально зарегистрированной суммы процентов, фактический рост в действительности был намного завышен целым рядом обстоятельств: 1) попав в зависимое положение от ростовщика, должник под угрозой лишения земли сеял то, что желательно было ростовщику; 2) под контролем ростовщика оказывалась и реализация продуктов, производимых тем или иным хозяйством. Он мог приобрести их у должника по выгодной для себя цене; 3) самое главное, — размер предоставляемого кредита был в несколько раз ниже цены заложенной земли и другого недвижимого имущества, в чем и состояла основная заинтересованность ростовщика, так как земледelec, однажды попав в цепкие руки ростовщика и большей частью не имея возможности выкупить свою землю, не мог уже вынутаться и при желании ростовщика мог совершенно лишиться земли и другого недвижимого имущества, которые за бесценок оказывались в руках займодателя, т. е. ростовщика.

Приведенные ниже примеры показывают мизерность кредитных ссуд по сравнению с действительной стоимостью закладываемых объектов (средняя стоимость одного таба орошаемой земли — 100 тилла, неорошаемой — 30 тилла). В частности, четверть

⁵ Фитрат Р. Р. и Сергеев Б. С. Казийские документы. Ташкент, 1937, с. 68.

⁶ Чехович О. Д. Задачи среднеазиатской дипломатики. — Народы Азии и Африки, М., 1969, № 6, с. 82.

⁷ Васиқалар туплами. Форс-тожик тилидан таржима, кириш ва изохлар муаллифи Б. Иброхимов. Тошкент, 1982, с. 73—81.

⁸ Шкапский О. Аму-Дарьинские очерки. Ташкент, 1900, с. 223—283.

⁹ Юлдашев М. Ю. К истории крестьян Хивы. Ташкент, 1966, с. 49—51.

¹⁰ Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 9490, док. 1, л. 1; док. 21, л. 25; док. 105(188), л. 19а; док. 182(249), л. 245.

¹¹ Подробнее о них см.: Шайхова А. О Хивинской казийской книге из фондов Института востоковедения АН УзССР. — Общественные науки в Узбекистане, 1982, № 8, с. 55.

танаба земли была заложена за 6 тилла с выплатой процентов по 8 танга в год¹², одна четвертая часть неразделенной (муша) худжры — за 45 танга с выплатой процентов по 7 танга в год¹³, один дом — за 20 тилла с выплатой процентов в год по 2 тилла¹⁴ и т. д. Для более полной иллюстрации приведем перевод одного из документов:

«Тысяча триста пятнадцатого года хиджры, месяца раби ас-сани третьего дня (1897, второе сентября), в поседельник, женщина [по имени] Шукурджан-бика, [проживающая] в Кушчи Катта-баге, в кауме Бахадир-бека, двадцати пяти лет [от роду], смуглая, среднего роста с несросшимися бровями, дочь Мухаммад Йа'куба, сына Баба Нийаза, сделала признание в следующем: [я продала] дозволенной продажей Мухаммад Йусуф-беку, сыну Мухаммад Карима кушбегги, около одного танаба вакфной земли, [расположенной] в указанной местности [в следующих границах]: с востока и севера канал, с запада [владение] упомянутого Мухаммад Йусуф-бека, и с юга канал. Продав со всеми правами и сопутствующими [доходами] за 8 тилла, [вновь] взяла [землю] в аренду за одиннадцать танга и одно шахи в год. Муж упомянутой женщины Мухаммад Рахим, из упомянутой местности, пятидесяти одного года [от роду], каштанобородый с проседью, сын Ахмада, сына Абдаллаха, сделал признание в том, что он выступает [в сделке] денежным поручителем [ссудополучательницы].

Свидетели: Мухаммад Йусуф аксакал и Ибрахим.

Писец: Дамулла Мухаммад Йусуф Тиканли¹⁵.

Документ интересен с двух сторон, ибо он демонстрирует и заимение ростовщиком стоимости земли, и закабаление земледельца на правах шуф'ата сильным соседом.

Характерно, что участок закладываемой земли мог быть совсем маленьким, например в пределах нескольких гязов¹⁶, 20 агры, 40 агры¹⁷, одна четвертая часть танаба, полтанаба, один танаб и более¹⁸. Далее, во многих закладных документах одно лицо закладывало свою землю небольшими участками одному и даже нескольким лицам¹⁹.

Часто встречаются сделки, когда одновременно оформлялись долговая расписка, купчая и закладная на ту же землю, т. е. земледелец брал долг, покупал у кого-либо землю, а затем тут же закладывал ее, причем большей частью сумма залога была ниже выплаченной земледельцем при покупке этой земли (нередко тому же лицу). Приведем несколько примеров.

В 1894 г. некий Тангриберген из Пишканика купил около одного танаба земли за 40 тилла, затем заложил ее уже за 25 тилла с выплатой процентов по 4 тилла без 1/4 в год²⁰. Некий Халмухаммад из местности Астана в 1897 г. купил полтанаба вакфной земли у Мулла Йакуба за 60 тилла и заложил ее уже за 30 тилла неким Тангриберды, Бабе и Джума Нийазу с процентом по 4,5 тилла в год и у этих же лиц взял 30 тилла в долг с обязательством возврата их через 3 месяца²¹. Житель местности Мугулча Пахлаван Нийаз-бек купил у Багбак-бега 1,5 танаба вакфной земли за 42 тилла и ему же заложил этот участок уже за 20 тилла при уплате 3 тилла процентов в год²². Житель местности Фарнш Джума Нийаз купил у Мамаджан-бика 3 танаба земли за 30 тилла и ей же заложил эту землю уже за 20 тилла при 2,5 танга процентов в месяц²³ и т. д.

Незначительные размеры закладываемых объектов показывают, что к ростовщической ссуде под залог имущества прибегали бедняцкие слои населения, имевшие мелкие клочки земли. Далее, как видно из анализа документов, землевладельцы стремились закладывать не всю свою землю, а только часть ее. Значит, в практике взаимоотношений между закладчиком и кредитором укоренился факт перехода заложеной земли или другого недвижимого имущества в руки кредитора, что заставляло должника быть более осторожным и закладывать имущество не целиком, а частями. С другой стороны, ростовщик, ссудив должника определенной суммой под залог имущества, цепко держал его в руках и не отпускал до тех пор, пока не вынуждал его заложить всю свою недвижимость и таким образом полностью его закабалить.

Регламентация и легализация ростовщичества мусульманской юриспруденцией открыто поддерживались ханскими властями. Ханы и их приближенные сами были широко вовлечены в ростовщические операции. Например, в 1866 г. Мухаммад Рахим-хан II (1865—1910) ссудил крупные суммы купцам с условием получения одной трети дохода: 2450 тилла Худайбергену караван-баши, 1500 тилла — Мухаммад

¹² Ркп. ИВ АП УзССР, инв. № 9490, док. 3602(3032), л. 247а.

¹³ Там же, док. 4647 (3965), л. 322а.

¹⁴ Там же, док. 538(608), л. 55б.

¹⁵ Там же, док. 3203(2665), л. 217а.

¹⁶ Хорезмский земельный гяз равен 106—107 см. (Давидович Е. А. Материалы по метрологии средневековой Средней Азии. М., 1970, с. 112).

¹⁷ Термин этот употреблялся в Хорезме для обозначения 1/320 танаба. 20 агры = 1/16 танаба, 40 агры = 1/8 танаба (Давидович Е. А. Указ. соч., с. 122).

¹⁸ Ркп. ИВ АП УзССР, инв. № 9490, д. 95(178), л. 18а; д. 1384(98), л. 11а; д. 65(147), л. 16а; д. 1385(99), л. 115; д. 106(189), л. 19а, и др.

¹⁹ Там же, д. 4557—4558 (3876—3877), л. 314б.

²⁰ Там же, д. 13, л. 2а.

²¹ Там же, д. 3605—3607 (3037—3039), л. 247б.

²² Там же, д. 3788—3789 (3215—3216), л. 262а.

²³ Там же, д. 4038—4039 (3467—3468), л. 281б.

Назар-баю (ведшим торговлю с Россией), 1000 тилла — Кутли Мухаммад-баю из Ургенча (для ведения торговли с Бухарой) и т. д.²⁴

Хан, члены его семьи и ближайшие сановники не брезговали даже мелкими ростовщическими сделками. Например, в июне 1897 г. хан предоставил 100 тилла кредита проживавшему в Багче Мухаммад Шарифу под залог 600 гязов двора с уплатой 4 тилла процентов каждые 3 месяца²⁵. С таким же условием он предоставил деньги в рост по долговой расписке.

В тот же период наследник престола Асфандийар-тура дал денежные ссуды под залог недвижимостей: 15 тилла — проживавшему в Иангиарыке Кутлук Мухаммаду под залог двух домов за 20 танга и 1 шахи процентов в год; 50 тилла — проживавшему в местности Кыркул Мухаммад Шарифу под залог четырех танабов вакфной земли за 5 тилла процентов в год; 1000 тилла — проживавшему в местности Авар Атаджанбаю за 100 тилла процентов в год²⁶. Наиболее отличился как ростовщик другой сын хана, Сайид Мухаммадйар-тура. Приведем перевод одного из его залоговых документов:

«В упомянутый день 1311 г. х., 3 раджаба (1894, 10 января) Мулла Иахин Мурад, [проживающий] в Каттакургане в кауме Ир Назара, сын Иусуфа, сына Мухаммад Нийаза, продал дозволенной продажей четыре танаба земли, [расположенной] в указанной местности, нашему шахзаде Мухаммадйар-инак-туре за пятьдесят тилла [и вновь] взял в аренду [землю] за пять тилла в год.

Свидетели: Абдаррахим, сын Мухаммад Нийаза, и Азизкули, сын Иусуфа»²⁷.

За 1897—1898 гг. зафиксировано еще несколько его сделок: о предоставлении кредита под залог земель, расположенных в Ианги-кале в селении Асс, Кабутархане, Багче, Ианги-арыке и других местностях²⁸.

Документы показывают, что сумма ростовщического процента не превышала 10% и большей частью сделки свои Мухаммадйар-тура совершал в Ианги-арыке.

В документах фигурируют имена других членов ханского дома: Сайид Абдаллах-туры, Аскар Махмуд-туры, Мухаммад Амин-туры и Тимур Гази-туры, дававших деньги под проценты по долговым распискам²⁹.

В ростовщических сделках членов ханского дома мы усматриваем два момента: первое — цены заложенных объектов более или менее соответствовали средней их стоимости; второе — процент со ссуды не превышал установленного шариахом размера торговой прибыли — 10—20%. Следовательно, хан как глава государства и его ближайшее окружение в какой-то степени пытались показать, что они не допускали злоупотреблений при совершении ростовщических сделок и чрезмерного поднятия ставки процента. (Естественно, они не были заинтересованы в полном разорении налогоплательщиков ростовщиками).

Документы раскрывают ростовщическую деятельность таких крупных сановников, как Мухаммад Мурад диванбеги, игравший роль первого сановника при дворе, фактически державший всю власть в своих руках вплоть до своей смерти (1931)³⁰, его сыновей: Шайх Назар-бая, Амангельды-бека, Хусайн-бека, — которые занимали важнейшие государственные посты в ханстве (в 1911 г., когда после раскрытия так называемого заговора «диванбегийцев» имущество их было конфисковано, обнаружилось документы, показывающие, что сыновья Мухаммад Мурада диванбеги были крупными ростовщиками. У одного из них — Хусайн-бека, например, было конфисковано долговых расписок на общую сумму 117 712 руб., по которым были немедленно взысканы долги в пользу хана³¹). Мамат махрам, тоже один из влиятельных сторонников хана, давал денежные ссуды по долговым распискам и под залог земель и построек, расположенных в Ианги-кала, Кабутархане, Багче и других местностях ханства³².

Крупным ростовщиком был и другой известный сановник при дворе хивинского хана — Мухаммад Иусуф йасаул-баши, возглавивший после смерти Мухаммад Мурада диванбеги придворную группировку сторонников хана, противников группировки наследника престола Асфандийара. Только в течение лета 1897 г. он ссудил: 20 тилла — проживавшему в местности Уйгур Курбан-баю под залог трех танабов земли за 3 тилла процентов в год³³; 100 тилла — проживавшему в Таза-баге Саттаркули под залог трех танабов земли за 10 тилла процентов в год³⁴. Он же в г. Ургенче предоставил ссуды

²⁴ Иванов П. П. Архив хивинских ханов XIX в. Исследование и описание документов с историческим введением. Л., 1940, с. 233.

²⁵ Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 9490, д. 1821 (1881), л. 162а.

²⁶ Там же, д. 1236 (1294), л. 1146; д. 6517 (4437), л. 357 а; д. 10626 (5082), л. 396б.

²⁷ Там же, д. 20, л. 26.

²⁸ Там же, д. 1784 (1933), л. 1666; д. 3542 (2973), л. 242а; д. 4116 (3542), л. 288а; д. 6976 (4510), л. 365б, и др.

²⁹ Там же, д. 3106 (2560), л. 2086; д. 3627 (3056), л. 249а, и др.

³⁰ Там же, д. 1538 (1592), л. 1396; д. 2619 (2055), л. 176б, и др.

³¹ ЦГА УзССР. ф. 11-2, оп. 1, д. 290, л. 98—99; Погорельский И. В. Очерки экономической и политической истории Хивинского ханства конца XIX—начала XX в. (1873—1917). Л., 1968, с. 76.

³² Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 9490, д. 1029 (1097), л. 946; д. 1181 (1238), л. 110б; д. 1551 (1606), л. 140б.

³³ Там же, д. 1128 (1193), л. 103б.

³⁴ Там же, д. 3247 (2711), л. 220б.

трем лицам: 500 тилла — некоему Мухаммад Назар-баю под залог двух дворов с постройками, находившихся в совместном пользовании (муша'), за 50 тилла процентов в год³⁵; 500 тилла — Мухаммад Риза-баю под залог двух участков земли, находившихся в совместном пользовании (муша'), за 50 тилла процентов в год³⁶; 250 тилла — Мухаммад Шариф-баю под залог земли за 25 тилла процентов в год³⁷ и т. д.

Ростовщицеством занимались и духовные лица, особенно мутавалли ваффов, что свидетельствует об активной роли религиозных учреждений в ростовщических операциях, о чем наглядно говорит следующий документ:

«В упомянутый год месяца шавваля восемнадцатого числа (1314/1897, 22 марта), в воскресенье Кутлук Мурад, [проживающий] в Кармише, кауме Авазбаба аксакала, с несросшимися бровями, смуглый, среднего роста, седобородый, пятидесяти пяти лет, сын Сайид Нийаза, сына Мухаммад Нийаза шейха, сделал признание в следующем. Я продал [дозволенной продажей] Шукурберди мутавалли, сыну Мухаммад Йа'куба, около полтанаба вакфной земли, расположенной в упомянутой местности [в следующих границах]: с востока — дорога, с севера — [владение] Джанибека, с запада — [владение] Нар Мухаммада и с юга — упомянутый продавец. [Продаю] со всеми правами и сопутствующими [доходами] за сумму бывших в употреблении десять тилла. Дал разрешение на получение прибыли [от сделки] с тем условием, что при возврате указанной стоимости [земли] покупатель вернет проданный объект. И вновь я взял в аренду проданную землю у упомянутого [покупателя] за полтора описанного качества тилла в год. Да будет ведомо, что упомянутая сумма является вакфом мечети упомянутого мутаваллия.

Свидетели: Авазбаба аксакал, сын Адинакелди, [и] Сабирберди, сын Нийаз-бабы»³⁸.

В документах в большом количестве фигурируют и лица из среды зажиточных торговцев, ремесленников, крестьян, постоянно выдававшие ссуды по долговым распискам и под залог недвижимостей³⁹.

Анализ документов выявляет ряд лиц, занимавшихся ростовщической деятельностью в определенной местности. Например, в 1850—1866 гг. некий Абдаллах-бай выдавал деньги под залог земель, расположенных в местности Чака⁴⁰; в конце XIX в. Аллахаберган красильщик занимался ростовщицеством в местности Мехтарабат⁴¹, Атаджан-бай — в Йанги-кал'е⁴², Джанибек-бай — в Катта-баге⁴³ и т. д.

В ростовщических операциях как показывают документы, наблюдались и отношения партнерства (или товарищества), как в выдаче денежной ссуды, так и в ее получении. Например, братья Абил-бай и Кабил-бай выдавали денежные ссуды за 10—15 процентов в местностях Шайх-баг, Гулбан-баг, Йанги-кал'е и т. д.⁴⁴, но чаще фиксировались сделки, где ссудополучателями выступали два лица, нередко также находившиеся в родственных отношениях.

Таким образом, ростовщицество в Хивинском ханстве в рассматриваемый период было распространено весьма широко и играло активную роль в разорении и закабалении трудового населения страны.

А. Шайхова

³⁵ Там же, д. 3171 (2624), л. 2136.

³⁶ Там же, д. 3881 (3310), л. 270а.

³⁷ Там же, д. 3989 (3420), л. 2776.

³⁸ Там же, д. 1345(60), л. 66.

³⁹ Там же, инв. № 9490—9493.

⁴⁰ ИВ АН УзССР, фонды «Васикалар», инв. № 38а, 50а, 51а, 70а и др.

⁴¹ Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 9490, д. 4436 (3760), л. 3056; д. 4599 (3917), л. 318а, и др.

⁴² Там же, д. 1240 (1298), л. 115а; д. 4069 (3495), л. 284а.

⁴³ Там же, л. 1090 (1159), л. 100; д. 2693 (2229), л. 182; л. 3079 (2532), л. 206а, и др.

⁴⁴ Там же, д. 3502 (2931), л. 239а; д. 2639 (3068), л. 2496; д. 4153 (3579), л. 2906, и др.

ИСТОРИОГРАФИЯ

АКАДЕМИК С. Ф. ОЛЬДЕНБУРГ И РАЗВИТИЕ НАУКИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ (20—30-Е ГОДЫ)

Сергей Федорович Ольденбург (1863—1934) на протяжении всей его творческой жизни, особенно на посту непререкаемого секретаря Академии наук, а затем в должности директора Института востоковедения АН СССР, виднейшее место в своей деятельности уделял научно-организационной работе. При оценке ее нельзя не согласиться с мнением акад. Н. Я. Марра, который, говоря именно о кипучей, обширной и многогранной научно-организационной деятельности С. Ф. Ольденбурга, отмечал «такой непростибельный грех, как отнесение «научно-организационной работы» в «практическую область», тогда как это вообще не только дело, но подвиг по стройке теории при той широте развития С. Ф. Ольденбурга, какая присуща ему...; научно-организационная работа ни в какой мере не может быть аргументом меньшей значимости, чем печатный исследовательский труд высокой научной квалификации специалиста вообще, тем более — в

наши дни искания наиболее устойчивых форм использования культурного наследия в организации исследовательской работы, подготовке молодой смены и т. д.»¹

Добавим, что незаслуженно забытой или во всяком случае недостаточно известной является активная и действенная роль научно-организационной работы С. Ф. Ольденбурга в развитии науки в таком крупном регионе, как Средняя Азия.

Встречающиеся в литературе разрозненные и чаще всего весьма скудные данные об участии С. Ф. Ольденбурга в развитии науки в Средней Азии не дают общего и достаточно полного о нем представления. Между тем уже первая (предпринятая автором данной статьи и отнюдь не претендующая на исчерпывающее освещение темы) попытка обобщенного рассмотрения этого вопроса свидетельствует о том, что роль и участие С. Ф. Ольденбурга в развитии науки в Среднеазиатском регионе были, как мы увидим ниже, постоянными и значительными.

При освещении этой стороны дела необходимо напомнить, что С. Ф. Ольденбург как востоковед всегда пристально интересовался ходом изучения историко-культурного прошлого Средней Азии, хотя она и не находилась в орбите его основных научных занятий.

Историкографически достойно внимания, что между двумя замечательными учеными и последователями акад. В. Р. Розена — С. Ф. Ольденбургом и В. В. Бартольдом определились территориально соседствующие сферы исследовательской работы. Для Ольденбурга — индианиста-литературоведа и искусствоведа — это был Восточный Туркестан, для Бартольда — историка и тюрколога-филолога — Западный Туркестан (в несколько условном и самом расширительном определении этих историко-географических понятий).

И хотя во времена Бартольда и Ольденбурга еще не был столь ясен, как в наши дни, вопрос об общности исторических и экономических судеб населения этих двух регионов, однако уже с первой трети XIX в. шел процесс постепенного накопления представлений о таких связях и такой общности². В этих условиях, естественно, что как Бартольд всегда живо интересовался ходом работ по изучению историко-культурного прошлого Восточного Туркестана, так и Ольденбург неустанно следил за этой стороной дела на материалах Туркестана Западного. Столь же внимательно следили они за публикациями друг друга.

Знал С. Ф. Ольденбург и работы местных туркестановедов — М. С. Андреева, В. Л. Вяткина³, А. А. Семенова и др. Время от времени в печати появлялись его отзывы о них (например, о книге Н. П. Остроумова — Этнографические материалы. Выпуск третий. Пословицы и загадки сартов. — ЗВОРАО, Т. IX, 1896, с. 304—305; о Протоколах заседаний и сообщений Туркестанского кружка любителей археологии — там же, Т. XII, 1899, с. 027—028; об Описании археологической и нумизматической коллекций, принадлежащих Ташкентскому музею и Туркестанскому археологическому кружку, — там же, Т. XIV, 1907, с. 0135—0136, и др.⁴ Хорошо известно, какое значительное место занимала среднеазиатская тематика в деятельности таких учреждений и организаций, как Восточное Отделение Русского Археологического общества, которое продолжало свою деятельность и после Октябрьской революции, вплоть до 1924 г., при неизменно активном участии С. Ф. Ольденбурга⁵.

Сейчас, когда союзные республики Средней Азии справедливо гордятся наличием в них широко разветвленной сети высших учебных заведений, особенно уместно напомнить что первым, кто поднял еще в начале XX в. вопрос о желательности основания в Ташкенте высшего учебного заведения в лице Восточного института, был С. Ф. Ольденбург. Это он еще в начале века выступил в печати с предложением о создании в Ташкенте (тогдашнем административно-политическом, экономическом и культурном центре Средней Азии) высшего востоковедного учебного заведения. «Крайне желательно, — писал он, — чтобы Россия сделала попытку дать прочное обоснование русскому востоковедению основанием ученой школы на Востоке. Ташкент мог бы явиться прекрасным центром для деятельности этой школы, из которого можно было бы изучать не только русские *среднеазиатские владения, но и Персию, Афганистан, Кашгарию, Тибет и даже Китай и Монголию* (курсив наш. — Б. Л.). У нас есть люди, чтобы

¹ Марр Н. Я. Академик С. Ф. Ольденбург и проблема культурного наследия. — В кн.: Академик С. Ф. Ольденбург. К пятидесятилетию научно-общественной деятельности. 1882—1932, Л., 1934, с. 8—9.

² Из новейших публикаций: Литвинский Б. А. Древняя этнокультурная общность Восточного Туркестана и Средней Азии. — Народы Азии и Африки, 1983, № 6, с. 61—69.

³ О том, что С. Ф. Ольденбург хорошо знал и высоко ценил работы самаркандского археолога-востоковеда В. Л. Вяткина, свидетельствуют слова С. Ф. Ольденбурга, что при своем посещении Самарканда в 1932 г. он «искренно сожалел о том, что не застал уже в живых глубочайшего знатока Самарканда и его памятников В. Л. Вяткина» (скончавшегося 26 июня 1932 г. — Б. Л.). См.: Ольденбург С. Ф. Бригада Академии наук в Таджикистане. — Вестник АН СССР, 1932, № 12, с. 37.

⁴ Кстати заметить, С. Ф. Ольденбург входит в число ученых и путешественников, которым наука обязана еще и приращением собранной древнеуйгурских рукописей и ксилографов, имевших большое значение и для изучения истории уйгуров в Средней Азии (Кононов А. Н. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. Издание второе. Л., 1982, с. 312).

⁵ Бертельс Д. Е. Введение. — В кн.: Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. — М., 1972, с. 37.

осуществлять это дело, и на поддержку на месте можно безусловно рассчитывать»⁶. Действительно, в среднеазиатской прессе мысль Ольденбурга («блестящая идея») была встречена общественными кругами с горячим одобрением. Одобрительно отнесся к ней и В. В. Бартольд («вполне сочувствуя идее уважаемого академика»), который, однако, полагал, что «в настоящее время еще нет в наличности условий, необходимых для ее осуществления», тем более, что речь идет об «учреждении вдали от существующих научных центров новой «чуждой школы», что могло бы привести, по мнению Бартольда, к ослаблению в ней научных задач в сравнении с задачами политическими или коммерческими»⁷.

Так или иначе, но именно появление статьи С. Ф. Ольденбурга повлекло за собою оживленное, продолжавшееся несколько лет, обсуждение вопроса и разработку различного рода проектов создания в Ташкенте высшего востоковедного учебного заведения (Восточный институт, Институт восточных языков и др.)⁸. Но в условиях колониального режима дело практически так и не сдвинулось с места.

Заслуживает, однако, внимания, что сам С. Ф. Ольденбург не предал забвению своего предложения. В период короткого своего пребывания на посту министра просвещения Временного правительства он обещал Ташкентской городской думе принять меры к тому, чтобы уже в начале 1918 г. в Ташкенте последовало открытие историко-филологического факультета запроецированного к организации университета. В августе 1917 г. последовало образование специальной комиссии содействия по разработке учебных планов факультета, в состав которой наряду с С. Ф. Ольденбургом вошли В. В. Бартольд, Н. И. Веселовский, Н. Я. Марр, А. И. Самойлович и А. Э. Шмидт⁹.

Последствий не было и на этот раз. Временное правительство не предприняло сколько-нибудь существенных мер к тому, чтобы радикально двинуть вперед экономическое и культурное развитие окраины страны.

Положение быстро изменилось после победы Октября. Уже в ноябре 1918 г. в Ташкенте стал функционировать Туркестанский восточный институт (ТВИ), известие о чем глубоко порадовало С. Ф. Ольденбурга. «Сердечно с Вами и Вашими коллегами по Институту, — писал он М. С. Андрееву, — первому руководителю ТВИ. — Желаю успешного продолжения дела, столь хорошо начатого»¹⁰.

Известна и роль С. Ф. Ольденбурга как одного из организаторов и деятелей Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, лингвистическом и этнографическом отношении (1903—1910)¹¹.

Для своего времени Комитет немало сделал (в меру своих ограниченных материальных возможностей) для осуществления ряда мероприятий по изучению историко-культурного прошлого Средней Азии (раскопки В. В. Бартольда и В. Л. Вяткина в Самарканде, древнего Отрара, развалин Пайкенда, этнографо-лингвистическое изучение припамирских областей Средней Азии и др.)¹².

Но все это, вместе взятое, было, образно говоря, не более, чем прелюдией к той большой и разносторонней деятельности С. Ф. Ольденбурга по организации изучения прошлого и настоящего Средней Азии, которая проявлена им в советское время на посту непререкаемого секретаря Академии наук (1917—1929) и затем в должности директора Института востоковедения АН СССР (1930—1934).

И в первые послеоктябрьские годы С. Ф. Ольденбург не переставал содействовать организации работ по изучению историко-культурного прошлого Средней Азии. Укажем в качестве отдельных примеров на то, что в 1921 г. С. Ф. Ольденбург входил в состав образованной в Петрограде постоянной Туркестанской Комиссии Российской Академии истории материальной культуры, учрежденной по ленинскому декрету и функционировавшей до начала 1924 г.¹³ Ее основной задачей была организация экспедиций в Среднюю Азию.

⁶ Ольденбург С. Ф. Французская школа крайнего Востока в Сайгоне. — ЖМНП, Часть 340, Отд. IV, 1902, с. 50—51. В этой школе С. Ф. Ольденбург усматривал положительный опыт перенесения «на изучение Востока традиции классической филологии созданием ученой школы на месте» (с. 50).

⁷ Бартольд В. В. По поводу проекта С. Ф. Ольденбурга. — Туркестанские ведомости, 1902 г., 25 апреля; Бартольд В. В. Сочинения. Том IX. М., 1976, с. 492—495.

⁸ Подробнее см.: Лунин Б. В. Из истории первого высшего учебного заведения в Средней Азии. — Очерки по истории русского востоковедения, VI, М., 1963, с. 303—324.

⁹ Туркестанские ведомости, 1917 г., 24 октября; Лунин Б. В. Жизнь и деятельность академика В. В. Бартольда. — Ташкент, 1981, с. 117.

¹⁰ Письмо С. Ф. Ольденбурга М. С. Андрееву от 10 января 1919 г. (Цит. по копии в собрании автора).

¹¹ Ср.: Ольденбург С. Ф. Русский Комитет для изучения Средней и Восточной Азии. — ЖМНП, Ч. 349, 1903, № 9, Отд. 4, с. 44—47. После смерти председателя Комитета акад. В. В. Радлова (12 мая 1918 г.) С. Ф. Ольденбург выполнял обязанности председателя до конца 1918 г.

¹² Люстерник Е. Я. Русский Комитет для изучения Средней и Восточной Азии. — Народы Азии и Африки, 1975, № 3, с. 224—229.

¹³ См.: Протоколы заседаний постоянной Туркестанской комиссии (Архив АН СССР, ф. 68, оп. 1, д. 444).

Когда в 1921 г. в Ташкенте начала функционировать образованная при Совете Народных Комиссаров Туркестанской АССР научная комиссия по изучению быта коренного населения Туркестана (о чем С. Ф. Ольденбург информировал В. В. Бартольда), С. Ф. Ольденбург в качестве председателя Комиссии АН СССР по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран в письме от 18 августа 1922 г. ходатайствовал перед СНК ТАССР об оказании комиссии максимально возможной материальной поддержки¹⁴.

Сочувственно отнесся С. Ф. Ольденбург к сообщению А. А. Семенова о возникшей в среде востоковедов Среднеазиатского государственного университета (Ташкент) идее подготовки к изданию среднеазиатских актовых источников и организации экспедиции для их сбора¹⁵.

С одобрения С. Ф. Ольденбурга Комитетом по изучению производительных сил АН СССР была подготовлена рукописная карта расселения тюркских племен в СССР, организована под руководством В. В. Бартольда экспедиция для этнографического изучения мало известных в науке частей Туркмении (Керкинский, Чарджоуский, Ташаузский округа)¹⁶.

В бытность С. Ф. Ольденбурга неперменным секретарем АН СССР в ее составе был образован также Особый комитет по исследованию союзных и автономных республик¹⁷.

Общезвестно также деятельное участие ленинградских востоковедов во главе с С. Ф. Ольденбургом и В. В. Бартольдом в подготовке и проведении Первого тюркологического съезда в Баку (1926)¹⁸. С. Ф. Ольденбург выступил с докладом о методах краеведческой работы среди тюркских народов. В нем подчеркивалась настоятельная «необходимость создания низовых краеведческих ячеек, без которых произойдет разрыв между стремящимися к общеевропейской культуре городскими работниками и массой на местах»¹⁹. Положения доклада были одобрены съездом²⁰.

9 января 1925 г. в Ташкенте (где тогда сосредоточивались основные силы туркестановедов) состоялось учредительное собрание Общества для изучения Таджикистана и иранских народов за его пределами, ставившего задачей изучение Таджикистана в этнографическом, филологическом, историческом, экономическом и физико-географическом аспектах²¹. Уже в июне 1925 г. были организованы экспедиции в Таджикистан М. С. Андреева и Н. Л. Корженевского и издан сборник статей под общим названием «Таджикистан», сочувственно встреченный видными востоковедами страны (В. В. Бартольд, И. Ю. Крачковский и др.).

С. Ф. Ольденбург был в числе тех, кто очень внимательно отнесся к деятельности Общества. По его словам, «за короткое время Обществу удалось издать ряд прекрасных исследований. Общество делает важнейшее общенаучное и вместе с тем краеведческое дело»²².

В 1927 г. в Ташкенте был издан большой сборник статей местных ученых и краеведов в ознаменование 25-летия со дня защиты В. В. Бартольдом диссертации на тему «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» (1900 г.)²³. По словам С. Ф. Ольденбурга, сборник этот «по богатству и разнообразию содержания... вполне отвечал работе Бартольда. В этом сборнике, как и в деятельности Бартольда, соединялся глубокий интерес к прошлому и живое участие в работе текущего дня»²⁴.

Об осведомленности С. Ф. Ольденбурга о новых работах по изучению Средней Азии (история, этнография, языковедение) говорит и его статья «Востоковедение», содержащая указания на исследования М. С. Андреева, В. В. Бартольда, С. М. Дудина, И. И. Зарубина, А. А. Семенова и др.²⁵

Хорошо известно, какое огромное значение в жизни народов Средней Азии и ряда других регионов Советского Востока имела замена арабского алфавита ла-

¹⁴ Лунин Б. В. Жизнь и деятельность академика В. В. Бартольда..., с. 160—161.

¹⁵ Литвинский Б. А., Акрамов Н. М. Александр Александрович Семенов. — М., 1971, с. 96.

¹⁶ Кузнецова Н. А., Кулагина Л. М. Из истории советского востоковедения. 1917—1967. М., 1970, с. 57.

¹⁷ Академия наук Союза Советских Социалистических Республик за десять лет. 1917—1927. Л., 1927, с. 5.

¹⁸ Подробнее см.: Первый всесоюзный Тюркологический съезд, 26 февраля — 6 марта (1926). Стенографический отчет. Баку, 1926.

¹⁹ Ольденбург С. Ф. Первый Всесоюзный тюркологический съезд. — Научный работник, 1926, № 3, с. 13.

²⁰ Там же, с. 16. Текст доклада см. также: Ольденбург С. Ф. Методы краеведческой работы среди тюркских народов. Доклад, читанный 6 марта 1926 г. на 16-м заседании 1-го Всесоюзного Тюркологического съезда. Баку, 1926, 11 с.

²¹ О нем см.: Советское краеведение, 1930, № 1—2, с. 27.

²² ЦГА ТаджССР, ф. 1, оп. 1, д. 22, л. 123 (ср.: Шагалов Е. С. Первое научное общество Таджикистана. — Душанбе, 1966, с. 21).

²³ В. В. Бартольду — туркестанские друзья, ученики и почитатели. — Ташкент, 1927, 555 с.

²⁴ Известия АН СССР, Серия VII, 1931, с. 1.

²⁵ Ольденбург С. Ф. Востоковедение. — В кн.: Академия наук Союза Советских Социалистических Республик за десять лет. 1917—1927. — Л., 1927, с. 140—154.

тинским и русским, что было «одной из важнейших политических и научных задач, поставленных революцией перед советской тюркологией в 20-х годах»²⁶. С удовлетворением следует отметить, что С. Ф. Ольденбург был в числе тех ученых (В. В. Бартольд, С. Е. Малов, А. Н. Самойлович и др.), которые осуществляли по линии Азиатского музея АН СССР активное содействие научной разработке основ перехода с арабской на новую письменность.

В 1930 г. С. Ф. Ольденбургу было суждено стать первым директором Института востоковедения АН СССР — «одного из новых академических учреждений, призванного в момент его основания коренным образом перестроить востоковедную работу Академии применительно к общим установкам советской науки в отличие от буржуазной и в соответствии с современными практическими задачами хозяйственного и культурного строительства на Советском Востоке и осуществления советской мирной политики на Востоке зарубежом»²⁷.

Миссия была нелегкой и высокоответственной, требовавшей и от самого С. Ф. Ольденбурга, и от его коллег старшего поколения в Институте внутренней перестройки на новый лад, к тому же в условиях «разгара напряженной борьбы» в стенах Академии наук «за марксистско-ленинскую методологию в ее научной деятельности»²⁸.

С. Ф. Ольденбург показал себя достойным оказанного ему доверия и в меру своих сил и возможностей сделал немало для перехода Института на новые рельсы. Он и сам считал себя вправе констатировать тот соответствующий действительности факт, что «востоковедение в Академии наук двинулось и движется по новому пути»²⁹. Это сказалось и на повышении роли Института в оказании помощи и содействия развитию науки в республиках Средней Азии и всего Советского Востока.

Следует, конечно, учитывать, что в первые годы деятельности Института востоковедения современная тематика «прививалась в Институте крайне трудно, что объяснялось отсутствием необходимых кадров и нежеланием некоторых ученых переключаться на изучение современных проблем», почему «темы по современному положению стран Востока фигурировали только в планах Института, фактически же выполненные их шло урывками, они не были доведены до конца»³⁰. Все же намечавшийся при С. Ф. Ольденбурге поворот к изучению не только прошлого, но и настоящего республик Советского Востока сам по себе был знаменательным явлением времени, предвещавшим в самом ближайшем будущем все более ощутимые сдвиги в этом направлении. Да и реально уже было сделано немало. Так, в прямой связи с процессом перестройки находились и расширение в Институте востоковедения работ по изучению «истории восточных народов СССР: каракалпаков, туркмен, узбеков» и др., прием в аспирантуру научных кадров из коренного населения Советского Востока, возникновение при Институте ассоциации по изучению Средней Азии³¹. Среди созданных в Институте научных кабинетов функционировал и кабинет среднеазиатский.

В литературе вопроса справедливо отмечается, что, действуя под руководством С. Ф. Ольденбурга, Институт востоковедения «выполнял работы по предложениям национальных республик, консультировал их научные учреждения, направляя своих сотрудников для помощи на местах и т. д.»³² Примечательна постановка доклада С. Ф. Ольденбурга о деятельности Института и его планах в Совете Национальностей ЦИК СССР³³.

²⁶ Кононов А. Н. Тюркология. — В кн.: Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР, с. 412. Ср. со словами самого С. Ф. Ольденбурга: «Жизнь наших национальных восточных республик поставила перед нами особенно остро такие вопросы, как, например, латинизацию и создание литературных языков» (Ольденбург С. Ф. Востоковедение в Академии наук на новых путях. — Вестник АН СССР, 1931, № 2, с. 12).

²⁷ Самойлович А. Н. Академик С. Ф. Ольденбург как директор Института востоковедения Академии наук СССР. — Записки ИВ АН СССР, IV, 1935, с. 7.

²⁸ Там же. Н. Я. Марр метко заметил, что сама жизнь вела тогда «к дальнейшему, более мощному движению в переделке внешнего, окружающего нас и собственного внутреннего мира, общественного и личного» (Марр Н. Я. Академик С. Ф. Ольденбург и проблемы культурного наследия..., с. 14).

²⁹ Ольденбург С. Ф. Востоковедение в Академии наук на новых путях, с. 16.

³⁰ Базянц А., Кузнецова Н., Кулагина Л. Азиатский музей — Институт востоковедения АН СССР. 1818—1968. — М., 1969, с. 73—74. Сам С. Ф. Ольденбург так характеризовал эту сторону дела: «С одной стороны, мы видим специалистов-востоковедов старших поколений, которые при всей высокой специальной квалификации, при значительном количестве ценных печатных трудов, еще должны с методологической стороны немало над собою работать. С другой стороны, молодые востоковеды зачастую страдают от недостатка знаний восточных языков и истории Востока» (Ольденбург С. Ф. Единая востоковедная работа. — Вестник АН СССР, 1932, № 8, стлб. 72—73).

³¹ Записки ИВ АН СССР, IV, М.—Л., 1935, с. 11.

³² Бертельс Д. Е. Введение. — В кн.: Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР, с. 54.

³³ Ольденбург С. Ф. О деятельности Института востоковедения Академии наук. — Революция и национальности, М., 1932, № 6, с. 20—25.

И остается фактом, что по вступлении С. Ф. Ольденбурга на пост директора ИВ АН СССР стали все более сказываться его взгляды на необходимость «тесного единения между работой Института востоковедения и соответствующей работой восточных республик Союза, включая Среднюю Азию». Институт начал «вести переговоры с отдельными республиками о конкретных темах, главным образом, по линии латинизации, литературных новых языков и культурной революции вообще»³⁴.

Насколько быстро и радикально прогрессировали взгляды С. Ф. Ольденбурга на задачи работы ИВ АН СССР, можно судить также по его указанию на то, что «из больших научных проблем, важных для успеха социалистического строительства, можно указать на следующие по линии востоковедения... Углубленное изучение истории классово-борьбы на Востоке, которым дореволюционное востоковедение почти не занималось, представляет громадный интерес для наших восточных республик и имеет несомненно актуальное значение... Большое значение имеет изучение национального вопроса, притом не только теоретическое, но и практическое по линии борьбы с великодержавным шовинизмом, с одной стороны, и неправильно понятым национализмом, — с другой. Колхозное строительство ... тоже обратило на себя внимание Института»³⁵.

По просьбе правительства Туркменской ССР и Каракалпакской АССР была начата работа по созданию капитальных сводов материалов к истории туркменского и каракалпакского народов. Велась эта работа под руководством А. Н. Самойловича, и, уже начиная с 1935 г., она нашла свое воплощение в уникальных для своего времени изданиях³⁶.

Сочувственно отнесся С. Ф. Ольденбург и к проводившейся Ф. Б. Ростопчиним под руководством Е. Э. Бертельса работе по переводу на русский язык документов из архива джуйбарских шейхов, проливающих свет на историю феодального землевладения в Средней Азии XIV—XVII вв. С. Ф. Ольденбург поддержал эту работу своим положительным отзывом³⁷. Его заинтересовали работы проф. Фитрата (Ташкент) по аграрной истории Таджикистана, и он одобрил включение в план работы ИВ АН СССР подготовку к изданию «Сборника таджикских документов по аграрному вопросу и мелиорации, составленного в XVI в.», выразив надежду, что «сборник этот не единственный и что удастся в ближайшие же годы издать и обработать важные материалы для экономики и истории Средней Азии. Они и намечены в плане пятилетки Института. При собирании этих материалов особенно важна совместная работа востоковедов на местах и из центра»³⁸.

В 1933 г. Институт востоковедения совместно с историко-археологическим Институтом командировал в Среднюю Азию бригаду «для собирания и выявления рукописных документов по истории среднеазиатских и других советских республик»³⁹.

В плане работ Института на 1933—1937 гг. мы уже находим такую тематику (помимо темы о происхождении и развитии феодального города в Средней Азии), как история Октябрьской революции и гражданской войны в республиках Советского Востока и др.⁴⁰

С особой силой надо подчеркнуть и непреходящую заслугу С. Ф. Ольденбурга в том, что, будучи на посту директора Института востоковедения АН СССР, он самым активным образом поддерживал все важнейшие начинания и мероприятия Академии наук СССР, направленные на изучение природных богатств, производительных сил и культуры всех союзных республик Средней Азии. Шло это как по линии организации и направления крупных комплексных и специальных научных экспедиций АН СССР и ее институтов, так и по линии подготовки и практического созыва прочно вошедших в качестве этапных вех в историю науки в Средней Азии и Казахстане конференций по изучению их производительных сил⁴¹. Вслед за состоявшейся в апреле 1920 г. I конференцией по изучению производительных сил Средней Азии в начале 30-х годов такие конференции были проведены по Узбекистану (1932), Казахстану (1932), Туркмении (1933), Таджикистану (1933), Киргизии (1933), Каракалпакии (1933).

По словам П. П. Иванова, «закончившаяся в 1933 г. серия конференций Академии наук по изучению производительных сил среднеазиатских республик привела не только к усилению работ по исследованию природных ресурсов Средней Азии, но также к более оживленному изучению проблем культуры». Соответственно этому и работы по изучению истории среднеазиатского феодализма (что было важно и для решения вопросов современности, поскольку феодально-патриархальные отношения оставались господствующими в Средней Азии вплоть до Октября. — Б. Л.)

³⁴ Ольденбург С. Ф. Единая востоковедная работа, с. 71.

³⁵ Там же, с. 78—79.

³⁶ Материалы по истории каракалпаков. — Труды Института востоковедения АН СССР, т. VII, М.—Л., 1935; Материалы по истории туркмен и Туркмении. Тома I и II, М.—Л., 1935—1939.

³⁷ ЛО ААН СССР, ф. 152, оп. 3, д. 514.

³⁸ Ольденбург С. Ф. Единая востоковедная работа, с. 74—75.

³⁹ Вестник АН СССР, 1933, № 7, с. 50.

⁴⁰ Кузнецова Н. А., Кулагина Л. М. Из истории советского востоковедения. 1917—1967, с. 80—81.

⁴¹ С. Ф. Ольденбургу наука была во многом обязана и активным участием востоковедов в работе этих конференций.

приобретают все большее значение в производственных заданиях Института востоковедения»⁴².

Возьмем, к примеру, конференцию по Узбекистану. Работа по ее подготовке и проведению (в Ленинграде) также проходила под эгидой С. Ф. Ольденбурга, лично содействовавшего и привлечению к участию в конференции в качестве докладчиков академиков И. Г. Александрова, И. М. Губкина, А. Н. Самойловича, А. Е. Ферсмана⁴³.

Конференция была примечательна и тем, что приветствовала идею создания в Узбекистане Академии наук, «учитывая наличие в УзССР значительного количества научно-исследовательских учреждений, крупных библиотечных фондов и большого числа научных работников высокой квалификации вообще и из среды коренного населения, в частности»⁴⁴.

С. Ф. Ольденбург имел прямое отношение и к организации работ по изучению Каракалпакии. Так, постановлением Президиума АН СССР от 19 апреля 1933 г. (№ 10) было решено в целях осуществления мероприятий, вытекающих из решений состоявшейся 18—25 марта в Ленинграде Первой конференции по изучению производительных сил Каракалпакской АССР, образовать при Президиуме АН СССР временную Каракалпакскую комиссию в составе С. Ф. Ольденбурга, А. Н. Самойловича, С. Г. Томсинского, Н. Моторина и В. А. Забирова. В числе мероприятий находилось и составление «плана работы по собиранию и подготовке к изданию материалов по истории каракалпаков» и сметы соответствующих расходов. «Исполнение, — гласило постановление, — возложить на директора Института востоковедения акад. С. Ф. Ольденбурга и заместителя директора Историко-археологического Института С. Г. Томсинского»⁴⁵.

Особого освещения заслуживает деятельность С. Ф. Ольденбурга, связанная с развитием науки в Таджикистане.

В августе 1930 г. С. Ф. Ольденбург был введен в состав Таджикской научной Комиссии (ТНК), возглавлявшейся акад. А. Е. Ферсманом⁴⁶.

Находясь на посту директора Института востоковедения, С. Ф. Ольденбург всячески содействовал организации широкомасштабной, многопрофильной Таджикской комплексной экспедиции (ТКЭ), начавшей свою деятельность в 1932 г. (с 1933 г. — Таджикско-Памирская, в 1936—1938 гг. — Среднеазиатская), организованной Академией наук СССР совместно с другими научными, а также хозяйственными учреждениями и организациями в составе 72 отрядов и 300 участников и оставившей по себе добрую и благодарную память в летописи научной жизни Советского Таджикистана.

В 1932 г. последовало учреждение первого в Таджикистане комплексного научного учреждения — Таджикской базы АН СССР — предшественника образованного в 1940 г. Таджикского филиала АН СССР.

База была призвана осуществлять координацию научных работ в Таджикистане, проводимых как АН СССР, так и другими центральными и местными учреждениями и организациями, и на договорных началах выполнять поручения хозяйственных органов, связанных с организацией необходимых им научных исследований по принципу «Наука на службе социалистического строительства».

17 марта 1932 г. постановлением Президиума АН СССР председателем базы был утвержден С. Ф. Ольденбург.

Предложение об организации базы АН СССР в Душанбе исходило от правительства Таджикской ССР⁴⁷ и было принято Академией⁴⁸. Сообщение о том, что «Президиум Академии наук постановил организовать постоянный филиал (базу. — Б. Л.) в городе Душанбе во главе с академиком Ольденбургом и что филиал будет иметь отделения геологическое, ботаническое и этнографическое», было принято Совнаркомом Таджикской ССР с глубоким удовлетворением⁴⁹. Постановлением Совнаркома от 28 марта 1932 г. в ведение базы были переданы такие научные учреждения Таджикистана, как Государственный Карамазарский научно-исследовательский институт в Ходжикенте, Государственный научно-исследовательский институт НКП Таджикской ССР в Душанбе. Было решено также образовать при базе музей⁵⁰.

⁴² Иванов П. П. Из работ Института востоковедения Академии наук. Исторические исследования по Средней Азии. — Вестник АН СССР, 1934, № 6, с. 15—22.

⁴³ Архив Академии наук Узбекской ССР, ф. 1, оп. 1, д. 232, л. 1—8.

⁴⁴ Там же, л. 6. Практическим последствием резолюции конференции явилось образование в 1932 г. в Ташкенте республиканского Комитета наук — предшественника созданного в 1940 г. Узбекского филиала Академии наук Узбекской ССР, а в 1943 г. — и самой республиканской Академии (см.: Академия наук Узбекской ССР. Ташкент, 1983, с. 12).

⁴⁵ Камалов С. К. О документах Каракалпакской Комиссии Академии наук СССР. — Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР, Нукус, 1975, № 4, с. 85—87.

⁴⁶ Материалы к истории Академии наук СССР за советские годы (1917—1947). — М.—Л., 1950, с. 94.

⁴⁷ Вестник АН СССР, 1932, № 3, с. 46.

⁴⁸ Вр. н. о. председателя базы был Н. Р. Горбунов (Вестник АН СССР, 1932, № 4, с. 39).

⁴⁹ Выписка из протокола № 9 заседания СНК ТажССР 10 марта 1932 г. Цит. по кн.: Из истории культурного строительства в Таджикистане в 1924—1941 гг. Сб. документов. Том I, Душанбе, 1966, с. 342.

⁵⁰ Там же, с. 346—347.

Руководителем геолого-химического сектора базы был Д. И. Щербаков, биологического — Б. А. Федченко. Должность руководителя историко-лингвистического сектора была вакантной, но вскоре по рекомендации С. Ф. Ольденбурга замещена Е. Э. Бертельсом. В состав базы входили также Комиссия экспедиционных исследований, научные станции, Ботанический сад⁵¹. Уже в 1932 г. было приступлено к изданию «Известий Таджикской базы Академии наук СССР», начались работы Таджикско-Памирской комплексной экспедиции, велась подготовка к проведению конференции по изучению производительных сил Таджикской ССР и т. д.⁵²

Как гласил отчет о работе базы, она «расширяла свои работы по более глубокому изучению ряда тем, чтобы удовлетворить все более растущие требования социалистического строительства Таджикской ССР»⁵³.

В последующем, оценивая итоги деятельности базы за время с 1932 по 1940 г., СНК ТаджССР констатирует, что база «проделала значительную работу по разрешению ряда научных проблем, имеющих большое народнохозяйственное значение для Таджикской ССР»⁵⁴.

В октябре 1932 г. С. Ф. Ольденбург посетил Таджикистан в составе организованной Президиумом АН СССР бригады (руководитель — вице-президент АН СССР В. Л. Комаров, члены С. Ф. Ольденбург, А. Ф. Иоффе, Д. Н. Прянишников и др.), призванной ознакомиться с работой ТКЭ, выяснить дальнейшее направление работ базы Академии в Душанбе и выдвинуть те вопросы, в разрешении которых Академия могла бы оказать содействие Таджикистану. По словам С. Ф. Ольденбурга, в дороге он и его со товарищи «читали литературу о Таджикистане и обсуждали разные вопросы, связанные со всесторонним изучением Средней Азии»⁵⁵. По пути в Таджикистан бригада посетила Самарканд, где ознакомилась «с положением его замечательных исторических памятников».

В Таджикистане С. Ф. Ольденбург и В. Л. Комаров вошли в состав группы, посетившей Гиссарскую долину и сам Гиссар. Они осматривали памятники старины, места новостроек, организовывали встречи с тружениками республики. На публичном заседании 1 ноября 1932 г. в Доме Красной Армии, где обсуждался ход работы АН СССР в Таджикистане, С. Ф. Ольденбург выступил с докладом: «Что советское востоковедение может дать Таджикистану»⁵⁶. На заседании 3 ноября в СНК и ЦИК ТаджССР он внес «принятое руководителями Таджикской ССР предложение о составлении общими силами работников Таджикистана и центра книги, дающей всестороннее представление о Таджикистане», и указал «на необходимость внести ясность в важный вопрос о таджикско-русском и русско-таджикском словарях». С. Ф. Ольденбургу и Н. Я. Марру было поручено «выяснить положение дела и ускорить его проведение»⁵⁷. Как констатировал сам С. Ф. Ольденбург, посещение Таджикистана дало ему очень многое и многому научило. Он и его спутники «могли убедиться в том, с какой исключительной энергией и выдержкой ведется новое строительство Таджикистана»⁵⁸.

Тогда же в Душанбе была созвана конференция для обсуждения итогов работы Таджикской экспедиции в 1932 г.⁵⁹ В ней участвовал и С. Ф. Ольденбург. Вслед за этим при Президиуме АН СССР был образован Научный совет по Таджикистану. Председателем его был А. Е. Ферсман, заместителем — С. Ф. Ольденбург.

О том, что советская действительность Таджикистана, охваченного пафосом строительства новой жизни, произвела на С. Ф. Ольденбурга глубокое впечатление, свидетельствуют и тексты двух его эмоционально-взволнованных газетных статей⁶⁰.

По возвращении бригады в Ленинград Президиум АН СССР одобрил инициативу академиков В. Л. Комарова, С. Ф. Ольденбурга, Д. Н. Прянишникова, А. Ф. Иоффе, принявших на себя обязательства по отношению Таджикской ССР»⁶¹.

⁵¹ Вестник АН СССР, 1933, № 1, с. 52.

⁵² Докладная записка Таджикской базы АН СССР о ее организации и работе (апрель 1933 г.). См.: Из истории культурного строительства..., Том 1, с. 347—349. В состав Президиума базы входили: председатель С. Ф. Ольденбург, заместители Н. П. Горбунов и Иса-Ходжаев, член Президиума Б. А. Федченко и Д. И. Щербаков при ученом секретаре А. И. Васильеве (Вестник АН СССР, 1933, № 1, с. 52. См. также: Федченко Б. А. Таджикская база Академии наук. — Вестник АН СССР, 1933, № 2, с. 42).

⁵³ Цит. по кн.: Из истории культурного строительства в Таджикистане... Том 1, с. 390. См. также: Шагалов Е. С. Наука в Таджикистане в период социалистического строительства (1917—1958 гг.). — Душанбе, 1975, с. 33—34.

⁵⁴ Из истории культурного строительства в Таджикистане..., Том 1, с. 396.

⁵⁵ Ольденбург С. Ф. Бригада Академии наук в Таджикистане, с. 37.

⁵⁶ Там же, с. 39.

⁵⁷ Там же, с. 43.

⁵⁸ Там же, с. 40.

⁵⁹ Таджикская комплексная экспедиция 1932 г. — Л., 1933, с. 55.

⁶⁰ Ольденбург С. Ф. Строительство Таджикистана. — За коммунистическое просвещение, 1932 г., 10 декабря; его же. В стране увлекательного будущего. — Известия ВЦИК РСФСР, 1932 г., 16 декабря. Акад. А. Н. Самойлович отметил, что эти статьи отражают «впечатления С. Ф. Ольденбурга о результатах осуществления на Советском Востоке ленинской национальной политики» (Самойлович А. Н. Памяти академика С. Ф. Ольденбурга. — Вестник АН СССР, 1934, № 3, с. 26).

⁶¹ Вестник АН СССР, 1933, № 1, с. 52.

Добавим, что на посту председателя Таджикской базы С. Ф. Ольденбург проявил живейший и пристальный интерес к первым же сообщениям о редчайшей в СССР находке согдийских рукописей в развалинах древнего замка на горе Муг (Захматабадский район Таджикской ССР). Из Ленинграда в Душанбе по договоренности с С. Ф. Ольденбургом был командирован А. А. Фрейман, а уже до того ученый секретарь Таджикской базы А. И. Васильев поспешил по телеграмме С. Ф. Ольденбурга в рекогносцировочную поездку к месту находок. В октябре 1934 г. последовало постановление ЦК Компартии Таджикистана о снаряжении Таджикской базой экспедиции на гору Муг и о поручении ей организовать хранение и издание всех согдийских рукописей и предметов материальной культуры, как тех, которые уже были найдены, так и тех, которые будут выявлены здесь впредь⁶². Усилия Таджикской базы АН СССР, в результате которых «наука обогатилась столь исключительными по значению историческими документами», делали честь ее сотрудникам во главе с С. Ф. Ольденбургом. И неслучайно вышедший в 1934 г., вскоре после смерти С. Ф. Ольденбурга из печати под редакцией А. А. Фреймана и И. Ю. Крачковского «Согдийский сборник» был посвящен памяти С. Ф. Ольденбурга.

Таков, в общих и главных чертах, весомый вклад академика С. Ф. Ольденбурга в развитие науки в республиках Средней Азии, который не должен быть забыт в памяти их народов.

Б. В. Лукин

⁶² См.: Фрейман А. А. Согдийские рукописи в развалинах замка на Зеравшане. К работам Таджикской базы Академии наук. — Вестник АН СССР, 1934, № 3, с. 50—51.

НОВЫЕ КНИГИ

КАРИМОВ Б. Р. ЕДИНСТВО ДИАЛЕКТИКИ, ЛОГИКИ И ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ: В АСПЕКТЕ ВОСХОЖДЕНИЯ ОТ АБСТРАКТНОГО К КОНКРЕТНОМУ

(Ташкент: Фан УзССР, 1982, 54 с.)

В связи с бурным развитием взаимодействия и взаимосвязи естественных, технических и общественных наук в последние годы значительно возросла потребность в методологическом анализе достижений науки. Отсюда — обращение к глубокому изучению гносеологии и логики научного познания. Но в некоторых теоретических исследованиях обнаружилось чрезмерное увлечение гносеологическим аспектом философских проблем в ущерб их онтологическому аспекту. При этом многие категории диалектики начинают рассматриваться как применимые лишь в гносеологии и логике, но не в онтологии. Как реакция на такой подход у некоторых авторов проявляется увлечение онтологическим аспектом философских проблем в ущерб гносеологическому, стремление рассматривать многие категории диалектики как применимые только в онтологии.

В этой связи наше внимание привлекла книга Б. Р. Каримова, подход которого к диалектике абстрактного и конкретного позволяет в какой-то мере стыковать концепции онтологистов и гносеологистов. Основная идея работы — обоснование универсальности категорий «абстрактное» и «конкретное», применимости их не только в логике и теории познания, но и в онтологии. Эти категории, рассматривавшиеся многими исследователями как сугубо гносеологические, играют важную роль в диалектическом методе, методе восхождения от абстрактного к конкретному. Автор в данной работе, а несколько подробнее — в опубликованной ранее статье «Диалектика абстрактного и конкретного в концепции развития материального мира» (см. «Общественные науки в Узбекистане», 1982, № 4, с. 33—41) впервые на материале современной науки дает подробный анализ онтологического аспекта категорий «абстрактное» и «конкретное» и показывает их эвристические возможности в рассмотрении процессов развития материального мира. Автор пытается вскрыть гносеологическую специфику категорий «абстрактное» и «конкретное» как универсальных категорий материалистической диалектики (с. 8—9).

Применение указанных категорий к процессу развития материального мира, во-первых, дает возможность рассмотреть целостность и системность данного процесса, во-вторых, позволяет установить наиболее общие, необходимые взаимосвязи и главные причины изменения и развития явлений объективного мира и, в-третьих, позволяет четко установить границы между уровнями в иерархии структурных уровней материи. Это имеет важное методологическое значение и для частных наук. Например, предлагаемый автором характер опосредований в иерархии структурных уровней и форм движения материи (с. 16—18) может сыграть методологическую роль при классификации форм движения материи и соответствующей классификации наук.

В работе впервые вычлняются экстенсивный и интенсивный аспекты восхождения от абстрактного к конкретному в развитии материального мира, показывается диалектическая взаимосвязь этих двух аспектов в рамках целостного, системного восхож-

дения от абстрактного к конкретному (с. 13—18) и указывается на спиральный характер диалектики взаимопорождения абстрактного и конкретного в ходе развития материального мира (с. 15—18). Схемы (с. 14, 15, 17), предлагаемые при этом автором, позволяют яснее представить ход диалектического взаимодействия абстрактного и конкретного.

Большой интерес вызывает и предлагаемая автором новая типологизация диалектических отрицаний (с. 19—32), в которой четко обнаруживается взаимосвязь двух основных типов диалектических отрицаний с двумя основными типами, соответственно, скачков и противоречий, а также с определенной системой основных категорий и законов диалектики. В аспекте диалектики абстрактного и конкретного рассмотрен также ряд вопросов теории отражения, необходимых для перехода к анализу в соответствующем аспекте проблем теории познания и диалектической логики (с. 33—36).

Автор впервые в нашей философской литературе обосновывает тезис о том, что «диалектика абстрактного и конкретного в познании есть (изоморфное) гомоморфное отражение диалектики абстрактного и конкретного в развитии материального мира» (с. 51), и тем самым указывает онтологическую предпосылку восхождения от абстрактного к конкретному в человеческом мышлении. В ходе обоснования этого тезиса автор раскрывает также онтологическую основу и универсальность диалектического методологического принципа «оборачивания в методе» (с. 38—42), показывая, что такой основой служит «переход к более высокой форме движения материи и подчинение ей более низких форм движения» (с. 32).

Это позволяет автору более конкретно и последовательно подойти к обоснованию принципа единства диалектики, логики и теории познания и выявить гносеологические основы различных подходов к этой проблеме (с. 42—50). Автор приходит к выводу, что «логика и теория познания должны получаться из диалектики как фундаментальной теории методом восхождения от абстрактного к конкретному» (с. 32). Таким образом, согласно автору, «в потенции диалектика содержит и логику, и теорию познания в их сущностных чертах, но в конкретном своем виде ни логика, ни теория познания не содержатся в диалектике как целостной фундаментальной теории», (с. 52).

В книге проанализированы и обобщены материалы из многих отраслей современной науки. Исследование характеризуется оригинальной постановкой проблемы, автор предлагает логически последовательно аргументированное, самостоятельное решение ряда важных и сложных проблем материалистической диалектики.

Все это дает основания считать, что работа Б. Р. Каримова займет достойное место в литературе, посвященной проблемам материалистической диалектики.

А. Т. Люпов, Б. О. Тураев

УТВЕРЖДЕННЫЕ ТЕМЫ ДОКТОРСКИХ И КАНДИДАТСКИХ ДИССЕРТАЦИЙ ПО ФИЛОСОФИИ И НАУЧНОМУ КОММУНИЗМУ

Докторские диссертации

1. Абдурахманов А. (Наманганский ГПИ) — Диалектика пресмысленности в развитии духовной культуры социалистических наций, миновавших капитализм.
2. Бондаренко И. И. (ТашПИ) — Социально-политические проблемы индустриализации и урбанизации в странах социалистической ориентации.
3. Зведенюк А. В. (ТГТХИ) — Становление научного знания (Гносеологический аспект).
4. Матниязов М. М. (Хорезмский ГПИ) — Электрификация Средней Азии и ее социальные последствия.
5. Нарбаев Т. Н. (САМПИ) — Роль социальных факторов в реализации Продовольственной программы СССР (На материалах среднеазиатских республик).
6. Черник В. Г. (ТашГУ) — Диалектико-материалистическая концепция перехода как форма развития и ее методологическое значение для науки и практики.

Кандидатские диссертации

1. Абдуллаев В. В. (ТЭИС) — Социальная роль второго родного языка в условиях развитого социализма.
2. Абдурахманов Г. (ТашГПИ) — Новые тенденции в развитии дружбы и взаимопомощи между народами СССР в период развитого социализма.
3. Алимджанова Х. К. (Андижанский МИ) — Значение общесоветских традиций и обрядов в утверждении духовных ценностей социалистического образа жизни.
4. Ахмедова М. (САМПИ) — Эстетические принципы в творчестве Максуда Шейхзаде.
5. Вахидов Б. Х. (ТашГУ) — Особенности формирования идеологии пролетарского интернационализма в условиях некапиталистического развития.
6. Гайбуллаев А. (СамСХИ) — Общее и особенное в формировании политического сознания сельской молодежи в условиях совершенствования развитого социализма.
7. Ганиев А. С. (Бухарский ГПИ) — Диалектика общего и особенного в развитии культуры быта в условиях развитого социализма.
8. Захидов Х. Р. (СамГПИ) — Диалектика развития духовной культуры и социальной активности масс в условиях развитого социализма.
9. Зуев А. Ю. (ТашГУ) — Соотношение круговоротов и прогресса во взаимодействии общества и природы.
10. Ирисова М. У. (САМПИ) — Особенности решения женского вопроса в условиях перехода Советского Востока к социализму.
11. Каримов Д. Р. (ИФП АН УзССР) — Культурная революция как фактор секуляризации общества и личности.
12. Мусаев Х. И. (ИВ АН УзССР) — Социально-этические воззрения Ибн Мискавейха.
13. Мухин В. Г. (ТашГУ) — Формирование активной жизненной позиции у рабочей молодежи в условиях НТР.
14. Нигманова Д. А. (ИФП АН УзССР) — Идеиная борьба за утверждение принципов социалистической культуры в Узбекистане в период становления социализма (20—30-е годы).
15. Нириша В. М. (ИВ АН УзССР) — Шихабуддин Сухраварди и его место в истории суфийской мысли (На основе арабоязычного произведения Сухраварди «Дары познаний»).
16. Петров А. А. (СамСХИ) — Роль воспитания в формировании всесторонне развитой личности (Эстетический аспект).
17. Рамазанов Т. М. (ТашГУ) — Мировоззренческие и методологические позиции востоковеда академика В. В. Бартольда.
18. Султанов Т. (ТашГПИ) — Научно-педагогическая интеллигенция как социально-профессиональный отряд советской интеллигенции (На материалах Узбекской ССР).
19. Туляганов Ш. Т. (ТашГПИ) — Критика буржуазных фальсификаций развития дружбы народов СССР в условиях зрелого социализма.
20. Файзуллаев С. Ф. (ТашГПИ) — возрастание роли сельскохозяйственных специалистов в реализации аграрной политики КПСС в условиях развитого социализма.
21. Шодиев Р. Т. (СамГУ) — Интерпретация нравственных норм ислама в суфийском течении.
22. Щербина С. Б. (Самаркандский ГПИ) — Диалектика нравственного и правового воспитания молодежи в условиях развитого социализма.

Утверждено Республиканским координационным советом по философии и научному коммунизму

МУНДАРИЖА

ЎзССР ва Ўзбекистон Компартиясининг 60 йиллигига

Ш. З. Уразаев. Ўзбек совет миллий давлатининг 60 йиллиги	3
А. Ю. Иброҳимова. Улуг Ватан урушининг ҳал қилувчи даврида Ўзбекистонда пахтачиликнинг ривожланиши	9
В. И. Галкин. Регионал шароитларда меҳнат ресурсларини прогноزلанишнинг методологик проблемалари	13

Юбиляrlаримиз

ЎзССР ФА академиги К. Е. Житовнинг 80 йиллиги	20
ЎзССР ФА академиги М. П. Пулдошевнинг 80 йиллиги	22

Илмий ахборот

Р. Д. Урозбоева. Қорақалпоғистон олий мактаблари тарихидан	24
Л. Н. Кравец. Туркистонда дастлабки маёвқаларнинг 80 йиллиги	26
А. Бўриев. XIX ва XX аср бошларида ўзбеклар орасида катта оиланинг йўқ бўлиб кетиши ҳақида (Ўзбекистоннинг жанубий областлари этнографик материаллари асосида)	28
Х. Ғ. Ғуломов. Рус-бухоро дипломатик муносабатлари тарихидан (Эриазар Мақсutowнинг Россиядаги биринчи элчихонаси)	30

Фанда янгилик: топилмалар, кашфиётлар, изланишлар

Г. А. Пугаченкова. Шўроб-Қўрғондан топилган ноёб кўза	32
О. А. Папахристу. Урта аср шаҳри Ахсиқентдан топилган темирчилик-чилангарлик асбоблари	34

Манбашунослик

А. Шайхова. XIX аср охири Хива хонлигида судхўрликнинг роли ва формаси (ЎзССР ФА Шарқшунослик институтидаги ҳужжатлар асосида)	37
--	----

Тарихшунослик

Б. В. Лунин. Академик С. Ф. Ольденбург ва Урта Осиёда фanning ривожланиши (20—30-йиллар)	41
--	----

Янги китоблар

А. Т. Аюпов, Б. О. Тўраев. <i>Каримов Б. Р. Билишнинг диалектик, логик ва назарий бирлиги: абстрактликдан конкретликка кўтарилиш аспектида</i>	49
Философия ва илмий коммунизм бўйича тасдиқланган докторлик ва кандидатлик диссертациялари темалари	51

СОДЕРЖАНИЕ

К 60-летию УзССР и Компартии Узбекистана

Ш. З. Уразаев. Узбекской советской национальной государственности — 60 лет	3
А. Ю. Ибрагимова. Развитие хлопководства в Узбекистане на завершающем этапе Великой Отечественной войны	9
В. И. Галкин. Методологические проблемы прогнозирования трудовых ресурсов в региональных условиях	13

Наши юбиляры

К 80-летию со дня рождения академика АН УзССР К. Е. Житова	20
К 80-летию со дня рождения академика АН УзССР М. Ю. Юлдашева	22

Научные сообщения

Р. Д. Уразбаева. Из истории высшей школы Каракалпакистана	24
Л. Н. Кравец. К 80-летию первых маевок в Туркестане	26
А. Буриев. Об отживании семейной общины у узбеков в XIX — начале XX века (На этнографическом материале южных областей Узбекистана)	28
Х. Г. Гуламов. К истории русско-бухарских дипломатических отношений (Первое посольство Ирназара Максютова в Россию)	30

Новое в науке: поиски, открытия, находки

Г. А. Пугаченкова. Уникальная чаша из Шуроб-Кургана	32
О. А. Папахристу. Кузнечно-слесарный инструментарий со средневекового городища Ахсикет	34

Источниковедение

А. Шайхова. О формах и роли ростовщичества в Хивинском ханстве конца XIX века (По документам из собрания ИВ АН УзССР)	37
---	----

Историография

Б. В. Луни. Академик С. Ф. Ольденбург и развитие науки в Средней Азии (20—30-е годы)	41
--	----

Новые книги

А. Т. Аюпов, Б. О. Тураев. <i>Каримов Б. Р.</i> Единство диалектики, логики и теории познания: в аспекте восхождения от абстрактного к конкретному	49
Утвержденные темы докторских и кандидатских диссертаций по философии и научному коммунизму	51

НАШИ АВТОРЫ.

- Пугаченкова Г. А.** — член-корреспондент АН УзССР, зав. сектором истории изобразительных искусств и архитектуры Института искусствознания им. Хамзы Хакимзаде Ниязи Министерства культуры УзССР.
- Уразаев Ш. З.** — член-корреспондент АН УзССР, зав. кафедрой теории государства и права ТашГУ им. В. И. Ленина.
- Ибрагимова А. Ю.** — доктор исторических наук, ст. научный сотрудник Института истории АН УзССР.
- Лунин Б. В.** — доктор исторических наук, зав. отделом историографии Института истории АН УзССР.
- Галкин В. И.** — кандидат экономических наук, зам. председателя Республиканского Совета по координации НИР в УзССР.
- Кравец Л. Н.** — кандидат исторических наук, ст. научный сотрудник Института истории АН УзССР.
- Бурiev А.** — преподаватель Каршинского филиала ТИИИМСХ.
- Гуламов Х. Г.** — мл. научный сотрудник Института истории АН УзССР.
- Шайхова А.** — мл. научный сотрудник Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН УзССР.
- Папахристу О. А.** — аспирант Института археологии АН УзССР.
- Уразбаева Р. Д.** — аспирант ТашГУ им. В. И. Ленина.

ПАМЯТКА АВТОРУ

При подготовке рукописей просим придерживаться следующих правил:

1. Рукописи следует присылать в двух экземплярах, напечатанных на машинке через два интервала, на одной стороне листа стандартного размера.

2. Размеры полей машинописных страниц: снизу и слева — 2,5 см, справа — 1 см, сверху — 2 см.

3. Графика машинописных знаков (русского и иностранного) должна быть отчетливой, ровной и полной.

4. Иллюстрации следует давать в двух экземплярах, в пригодном для воспроизведения в печати виде (фото — контрастные, на глянцевой бумаге, рисунки — выполненные тушью). На оборотной стороне каждого рисунка должны быть указаны фамилия автора, название работы и номер рисунка. Номера рисунков, как и таблиц, следует выносить на поля рукописи (при первом упоминании).

5. Сноски печатаются через два интервала и помещаются внизу страницы. Нумерация сносок должна быть сквозной.

6. Последовательность цитирования монографий: автор, название работы, место издания, год издания, страница.

Последовательность цитирования журнальных статей: автор, название статьи, название журнала, год, номер, страница.

7. Оформление сносок. Инициалы авторов (в том числе классиков марксизма-ленинизма) ставятся после фамилии (как в библиографии), перед местом издания — точка; страницу обозначать буквой «с»; название работ без автора в кавычки не заключать.

Многотомные издания, помимо названия, места, года издания, страницы, должны обязательно включать количество томов, номер тома, на который идет ссылка, и его название.

Названия журналов и продолжающихся изданий (ежегодники, труды, записки и пр.) не заключать в кавычки; место издания не указывать (исключение составляют некоторые старые издания).

8. К статье прилагается резюме на рус. и узб. яз. (объем — до 10 строк).

9. Направляемая в редакцию рукопись должна быть подписана автором, текст ее тщательно проверен, все ссылки выверены. Точность цитирования произведений классиков марксизма-ленинизма должна быть заверена подписью автора. Следует указать также дату отправления и полный почтовый адрес автора.

10. Объем не должен превышать:

а) для статей — 12 стр. машинописи,

б) для научных сообщений и рецензий — 6—7 стр.,

в) для хроникальных и других заметок — 2—3 стр.

Присланные статьи рецензируются и выносятся на рассмотрение редакционной коллегии журнала.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на журнал

«ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ В УЗБЕКИСТАНЕ»

на 1984 г.

(второе полугодие)

Подписка принимается всеми отделениями «Союзпечати» и связи, а также общественными распространителями печати.

Подписная цена на 6 месяцев — 3 р. 90 к.

Цена 65 к.

Индекс
75349